

Е БОГДАНОВ

ПОЕЗДА ИДУТ НА ЗАПАД

13 коп.

Е. БОГДАНОВ

ПОЕЗДА ИДУТ НА ЗАПАД

ПОВЕСТЬ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1969

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Проступок графа Тартаковского . . .	3
<i>Глава вторая.</i> Поезда идут на Запад	6
<i>Глава третья.</i> Василий	10
<i>Глава четвертая.</i> Вагон в тупике	14
<i>Глава пятая.</i> «Священная война»	18
<i>Глава шестая.</i> ...И грянул бой	24
<i>Глава седьмая.</i> Что такое ВНОС?	27
<i>Глава восьмая.</i> Непрошенный квартирант	31
<i>Глава девятая.</i> Как ловят хариусов	36
<i>Глава десятая.</i> Шито-крыто	42
<i>Глава одиннадцатая.</i> Налет	50
<i>Глава двенадцатая.</i> О том, что было дальше . . .	53
<i>Глава тринадцатая.</i> У Воронина болота	57
<i>Глава четырнадцатая.</i> Последний день лета . . .	65

Евгений Федорович Богданов.

ПОЕЗДА ИДУТ НА ЗАПАД

*Для детей среднего
школьного возраста*

Редактор В. К. Лиханова.
Оформление художника Н. И. Кислякова.
Художественный редактор В. С. Вежливцев.
Технический редактор Н. Б. Буйновская.
Корректор Н. К. Галкина.

Сдано в набор 27/VI 1969 г. Подписано в печать 22/IX 1969 г.
Форм. бум. 60 × 84¹/₁₆ (бумага типографская № 1).
Физ. печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,185. Уч.-изд. л. 4,004.
Тираж 30 000. Сл. 02968. Изд. № 4592. Заказ № 2156. Цена 13 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Архангельск, пр. П. Виноградова, 76.

Типография им. Склепина,
Архангельск, набережная В. И. Ленина, 86.

Глава первая

ПРОСТУПОК ГРАФА ТАРТАКОВСКОГО

Мы готовили посылку бойцам на фронт. Когда все собрали, то решили проверить содержимое ящика: как бы чего не забыть.

Ящик хранился на квартире у Сережки Ванеева, в нижнем отделении старинного вместительного буфета. Сережка не без труда выволок его оттуда и поставил на стол.

Посылку готовили сообща. Мать Петьки Цыганова связала две пары носков и две пары варежек из овечьей шерсти. Вывязала отдельно не только большие, но и указательные пальцы, чтобы удобнее стрелять из винтовки. Моя мать дала дюжину новеньких носовых платков, сохранившихся с довоенного времени. Сережкин брат Василий где-то раздобыл две пачки печенья «Аврора» и купил на рынке четыре стакана табаку-самосаду. Наша учительница Инна Артамоновна дала нам две коробки папирос «Казбек», от себя мы положили две

пачки конвертов, две общих тетради в клеточку, несколько карандашей — простых и химических.

Кисеты для махорки вышила шелком Сережкина мать: зеленые веточки и красные звезды по желтому полю.

— Ну вот, все, — сказал Сережка, выложив все из посылки на стол. Но тут же замолчал и снова заглянул в ящик с недоуменным видом. — Ребята, ведь у нас было два кисета?

— Два, — подтвердили мы.

— Здесь только один...

— А где другой?

— Может, Василию понадобился? — сказал Петька.

— Он же бросил курить! — возразил Сережка.

— Тогда кто же мог взять? — мы подозрительно посмотрели друг на друга, и нам стало даже неловко: посылку собирали вместе, и, конечно, никто из нас не решился бы на такое — стащить кисет с махоркой. Да и курильщиков среди нас не было.

— Непонятно, — буркнул Сережка. — Куда он мог деться? А, может, мы в прошлый раз забыли сунуть его в ящик? Десять раз проверяли, а все же забыли. Надо поискать.

Начались поиски. Мы обшарили всю кухню, заглянули в стол и под стол, в буфет и под буфет, в сундук и за сундук, слазили на русскую печь, но пропажи не отыскиали и растерянно столпились у стола.

— А что если... кисет взял Граф? — наморщил лоб Петька.

— Граф? Куда ему! Он и курить-то не умеет!

— А где Граф? Надо все же спросить.

— Наверное, на улице. — Сережка развел руками. — Пойдите-ка... — он потянул воздух носом. — Паленым пахнет!

Мы с Петькой тоже понюхали воздух: действительно, в квартире пахло паленым.

Сережка кинулся в комнату, мы — за ним.

В комнате стояли две аккуратно прибранные кровати, стол, стулья, фикус в углу и больше ничего и никого. Ни одной живой души. Однако над нашими головами медленно таяло едва заметное волокнистое облачко дыма.

— Где же горит? — мы уже хотели бежать за водой и звать на помощь соседей. Но тут из-за кадки с фикусом, стоявшей в углу комнаты, раздался вопль:

— А-а-а...

Сережка кинулся к фикусу. Там, на полу, спрятавшись за огромной кадкой, сидел Граф Тартаковский, выпучив глаза

и широко раскрыв рот. К нижней губе у него прилип горящий окурок. Табак из бумаги высыпался, и горела, точнее, тлела бумажная трубочка. Огонь подобрался к губам, но Граф, видимо, настолько растерялся, что не сразу вырвал окурок из рта. Рядом валялись похищенный кисет, обрывки бумаги и несколько спичек.

Граф Тартаковский — младший Сережкин братишка Юрка. Ему седьмой год.

...Однажды нам попала в руки старая истрепанная книжка. В ней рассказывалось о похождениях графа Тартаковского, который служил в гусарах у Кутузова, храбро сражался с войсками Наполеона, был веселым и находчивым человеком.

Читали мы вслух по очереди. При этом, конечно, всегда присутствовал и Юрка. Когда книжка была прочитана, он неожиданно сказал:

— Х-хочу быть графом Т-таковским!

— Не Таковским, а Тартаковским, — поправил Сережка.

— Н-ну Та-а-артаковским.

Так Юрка приобрел графский титул, которым очень гордился. Он ходил с выпяченным животом и выражением важности на своей замурзанной физиономии. И надо было видеть, как иногда он, изображая рубаку, отчаянно сражался с зарослями крапивы во дворе, с деревянной саблей в руках.

Когда прохожие на улице спрашивали: «Ты чей будешь, мальчик?», Юрка отвечал: «Я — граф Тар-тар-таковский!»

Увидев разгневанного Сережку, Граф перестал орать. Сережка кинулся на братишку с кулаками, но вовремя одумался: кого тут бить? Бедный Граф с обожженной нижней губой, заплаканный, жалкий, еле держался на ногах. Сережка слегка турнул его. Граф немного заикался.

— Г-г-губа болит. Обжег!

— Так тебе и надо! — крикнул Сережка. — Не будешь воровать у бойцов Красной Армии махорку и курить втихую за фикусом. Вот придет мамка — выпорот!

— В-выпорет? — переспросил Граф и снова заревел. — А-а-а...

На этот раз он ревел не совсем искренне. Глаза его беспокойно и хитровато бегали.

Ну что тут было делать? Сережка подобрал все, что лежало на полу, и побежал на улицу за Василием.

Пришел старший брат Василий. В руке он держал моло-

ток, из кармана гимнастерки торчала ручка стеклореза. Василий на огороде вставлял стекло в парниковую раму.

Осмотрев обожженную губу, он покачал головой и повел Юрку в медпункт. А мы аккуратно сложили все обратно в ящик и стали обсуждать, чего же еще в посылке не хватает.

— Спичек, — сказал Петька.

— Верно, спичек. Но где их взять?

— Надо поискать, у знакомых поспрашивать. Может, найдутся.

— Курительной бумаги.

— И бумаги тоже.

— И еще книг! — воскликнул Сережка. — Принесем каждый по книжке. Только поновей, незатрепанные. Да поинтереснее!

Когда все было сделано, мы вложили в посылку письмо с обратным адресом, запечатали ее и отнесли в школу. Оттуда наши подарки вместе с другими отправили на фронт.

Глава вторая

ПОЕЗДА ИДУТ НА ЗАПАД

Железнодорожную станцию Грачи от поселка с тем же названием, где был районный центр, отделял небольшой еловый перелесок. Наш дом стоял на окраине поселка. Из окон были видны елки, а за ними кирпичная водонапорная башня. Круглые сутки мы слышали гудки паровозов, лязг буферов и грохот вагонных колес.

Каждый день мы ходили на станцию встречать и провожать поезда.

И в поселке и на станции вечерами все окна плотно закрывались шторами. Хотя фронт был далеко и фашистские самолеты сюда не залетали, с наступлением темноты жители маскировали свет, опасаясь бомбежки.

На перроне почти всегда можно было видеть милиционера Бежевого. Часто из вокзального помещения выходил дежурный по станции, чтобы встретить или отправить очередной поезд.

Пассажиры коротали время в зале, выжидая, когда можно будет купить билеты и ехать. В вокзале всегда было полно

людей. Плакали дети, дремали на мешках и котомках старики и старухи, судачили крикливые цыганки с востроглазыми цыганятами.

Мы не любили зал ожидания и почти всегда находились на перроне. К станции один за другим подходили поезда, чаще всего товарные, с большими четырехосными вагонами-пульманами и длинными платформами. Пульманы были заполнены бойцами. На платформах везли танки, орудия, автомашины. Легонько, почти неприметно дымили походные кухни.

Когда смотришь на эшелон издали, то кажется, что вагоны и платформы стоят в очереди к паровозу. Отдышавшись, паровозы шли дальше, увозя с собой и вагонные очереди, связанные, словно одной веревочкой, сцепкой.

Вперемежку с военными поездами шли грузовые: везли каменный уголь, нефть в цистернах, лес. Они, как и военные, тоже держали путь на Запад.

Все шли на Запад, всё везли на Запад — на войну.

Когда на станции останавливался воинский эшелон, из теплушек высыпали на платформу веселые молодые бойцы в новеньких гимнастерках, кирзовых сапогах или ботинках с обмотками. От бойцов пахло махоркой, черным хлебом. Они стремглав бежали за кипятком, мылись у паровозной колонки, осаждали деревянный прилавок под навесом, где несколько поселковых торговек продавали стаканами табак-самосад, вареную картошку, семечки и зеленый лук. Бойцы покупали самосад и тут же пробовали его, крутя сигарки и прикуривая от одной спички: видно, экономили.

— Ох и табачок!

— Один курит — семеро валятся!

Бойцы смеялись, заметив нас, спрашивали:

— Какая станция, ребята?

Мы отвечали:

— Грачи!

— Грачи? Вот так название! Слышите, товарищи: станция Грачи! А вы кто? Грачата?

— Эй, грачата, идите сюда! — кричали из ближайшей теплушки в настежь отворенную дверь.

Мы подходили к теплушке, и нас засыпали вопросами. Бойцы делились с нами хлебом и сахаром. Брать у них хлеб было не очень-то удобно: люди едут воевать. Но они настойчиво совали нам в руки горбушки, кусочки сахара, и мы

смущенно благодарили. В долгу не оставались — бегали за кипятком, за картошкой и семечками.

Однажды на станцию пришел эшелон с кавалеристами. Загремели двери вагонов, и на платформу, как всегда, посыпались военные. На портупях у них ладно и красиво висели клинки. В вагонах стояли боевые кони. Подъезжали машины с тюками сена: путь, видимо, был дальний, и корма лошадям не хватило. Кавалеристы грузили тюки, бежали с котелками к походным кухням.

В теплушке с открытой дверью, прислонясь к косяку, стоял молодой кавалерист и громко читал стихи:

— Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.
А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: — Отставить! —
Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

Бойцы, сидя на ящиках, на поленьях-чурбаках, внимательно слушали. Кавалерист был молод, черноволос, кучеряв. На щеке виднелся шрам.

Он прервал чтение, закрыл книгу:

— Вот так: «За Россию, за народ и за все в ответе!»

— Очень правильно сказано!

— Дюже гарные стихи! — донеслось из глубины вагона.

К вагону подошло несколько бойцов. Они принесли котелки с супом. В крышках от котелков дымилась каша.

— А ну, ребятки, посторонитесь.

Мы отошли. В вагоне сказали:

— Давай, Степа, порубаем. Потом дочитаем про Теркина.

Кавалеристы принялись «рубать» свой обед. Петька ткнул меня в бок:

— Пошли.

И только мы сделали несколько шагов, как нас окликнули:

— Эй, пацаны! — Чернявый кавалерист махал нам рукой. — Идите сюда! Небось на тыловых-то харчах и пояса на животах не держатся, а?

Бойцы засмеялись, к нам протянулись руки, и мы сразу очутились в вагоне. Нас усадили на седла, положенные на пол, поставили перед нами полный котелок и дали ложки:

— Ешьте, ребята!

Борщ был вкусен, наварист. Настоящий кавалерийский! Мы мигом опорожнили котелок, а потом принялись за кашу. Покончив с едой, Сережка старательно вылизал ложку, вытер ее досуха подолом рубахи. Мы с Петькой проделали то же самое. Кавалеристы похвалили:

— Хозяйственные ребята.

Из боковой двери станционного здания вышел военный комендант и что-то сказал сопровождавшим его командирам. Командиры откозыряли и пошли к эшелону. Раздалась команда:

— По ваго-о-на-а-ам!

— Ну вот, ребята, пора нам и расстаться, — сказал Степа. — Как говорится: до свиданья, уезжаю, целоваться некогда! Растите большими, учитесь. А мы уж за вас повоюем, будьте уверены!

— Спасибо за угощение! Спасибо за все!

Мы выпрыгнули из теплушки.

По платформе со всех сторон бежали бойцы, смаху влетая по железным стремянкам в теплушки. Громыхали двери вагонов, где стояли кони. Степа порылся в карманах и достал какую-то кисточку:

— Держи! — Он протянул ее мне. — Это темляк от шашки. На память!

Я схватил подарок. Махая руками, мы бежали за вагоном, пока поезд не набрал скорость. А когда эшелон скрылся из виду, принялись рассматривать темляк.

— Хороший подарок! — Я взвесил на ладони кисточку из тяжелого крученого шелка.

— Хороший, — почесал переносицу Петька, блеснув черными, как смородина, глазами. — А еще лучше — шашку бы подарили, во!

— Ну, шашку! А воевать чем будут?

— У них, может, запасная есть!

— Нету запасной. Я видел — нету, — вздохнул Сережка. — У них по одной только шашке, да по автомату. И гранаты на стене в сумках висят. Запасных шашек нету. — Он протянул руку. — Колька, дай-ка сюда темляк!

— А зачем? — мне не хотелось расставаться с подарком. — Пусть у меня будет.

— Дай посмотреть!

Я подал ему темляк. Сережка хитро улыбнулся, достал из кармана кусок крепкой бечевки. Он всегда и везде подбирал нужное и ненужное. Если бы он сейчас достал из карманов осколок зеркала, свинцовую plombу, железный гвоздь, или даже лягушку, я бы не удивился. Таков уж был Сережка. Он подпоясал рубаху бечевкой, к ней привязал темляк.

— Ты растеряха, — сказал он мне. — У меня будет надежнее. Когда захочется поиграть темляком — я вам дам.

Петька снисходительно хлопнул его по плечу:

— Эх ты, Плюшкин! Все к себе тянешь!

Сережка не обиделся.

— Айда к Василию, — позвал он. — Покажем ему подарок.

Глава третья

ВАСИЛИЙ

Сережкина мать рано уходила на работу, и Василий в садике у дома варил для всей семьи обед на оча-

ге, сложенном из кирпичей. Он, видимо, привык на фронте готовить пищу по-походному и не изменял этой привычке, вернувшись домой. Сидя на чурбаке, он подкладывал в огонь щепки. Очаг дымил, Василий жмурился и глуховато покашливал. На коленях у него лежала фанерка, на ней — пачка пшеничного концентрата, разрезанная пополам луковица и нож-финка с черной лакированной рукояткой.

Увидев нас, Василий сказал:

— Ну, докладывайте, где были, что делали.

Сережка приложил ладонь к круглой рыжеволосой голове и отрапортовал:

— Товарищ сержант, разрешите доложить...

— Отставить, — сказал Василий. — К пустой голове руки не прикладывают. Стань смирно, руки по швам.

— Виноват, товарищ сержант. Разрешите доложить: мы встречали на станции поезд с кавалеристами, ели борщ и кашу и получили от бойцов подарок.

— Вольно! — Улыбнувшись, Василий оглядел нас. — Показывайте подарок.

Сережка отвязал от пояса темляк.

— Настоящий, кавалерийский, — одобрил подарок Василий. — Берегите его. А я вот варю пшенку. Без пшенки, брат, жизнь не в жизнь. Однако, мои военные запасы скоро кончатся, и придется нам переходить на тыловые харчи.

Пламя разгорелось, в котелке закипала вода. Большая старая береза заслоняла солнышко. Мы сели на траву в тень. Сережка обхватил руками колени.

— Ничего, проживем! — уверенно сказал он. — Картошка нарастет, лук свой. Сала мать в деревне выменяет. Хлеб по карточкам получим. Не горюй, Вася!

— А я и не горюю. Работать буду — хлеб будет. Эх, ребята, как мне не повезло!

— Почему не повезло?

— Да ранение это дурацкое! Для разведчика жить в разгар войны в тылу — сущая мука! Тянет на фронт, к боевым товарищам...

Василий был ранен осколком мины в шею. Рана зажила, но голова осталась на всю жизнь склоненной набок, будто какая-то неведомая сила притягивала ее к плечу. «Все осколком разворотило, — рассказывал он нам. — Какие-то связи перебиты. Доктора долго штопали...»

Сейчас Василий неторопливо священнодействовал над котелком. Сережка задумчиво смотрел на пламя в топке. Петька подбрасывал в огонь щепки, а когда они ярко разгорались, ковырял в земле палочкой. Худощавый и верткий, он и минуты не мог просидеть без дела. Не мог и долго молчать.

— А что, Василий, на фронте все бойцы варят себе кашу? — спросил он. — Разве там нет поваров?

— Как нет, есть! — отозвался Василий. — Есть и походные кухни. Обед в термосах доставляют прямо на передовую и там разливают по котелкам. Помню, однажды мне приходилось так, ползаком, с термосом за плечами, доставлять обед для наших разведчиков. Начался обстрел. Жмусь к земле, ползу по-пластунски. Прибыл на передовую, открыл термос, а там вместо супа из перловки одна каша на дне. Пулями, видишь ли, изрешетило термос, жидкое вытекло, на спине у меня мокро. Думал — ранило, кровь. А ребята смеются — вся спина в супе.

Нас с Петькой эта история тоже рассмешила, а Сережка, казалось, и не слышал, что рассказывал Василий. Он сидел неподвижно и зачарованно смотрел на золотые угольки, которые уже стали подергиваться пеплом.

Сережка часто погружается в молчаливое раздумье и вроде бы ничего в такие минуты не слышит и не видит. Петька говорил, что на Сережку «находит».

Мне отчего-то вдруг стало грустно. Вспомнился отец, который погиб в первый год войны... Мать плакала всю ночь, получив «похоронку». Я лежал на диване и тоже плакал, уткнувшись в мокрую от слез подушку... И у Петьки отец «пал смертью храбрых», как писали в письме однополчане. Где-то похоронены наши отцы?..

У Сережки отец воевал в противотанковом дивизионе ар-

тиллеристом. В последнем письме он сообщал, что вместе с расчетом орудия подбил три немецких танка и получил награду — орден Красной Звезды, и Сережка очень гордился отцом.

Василий похлопал братишку по плечу:

— Что грустишь, меланхолик?

Петьку охватил внезапный прилив безудержного веселья. Он опрокинулся на спину и, задрав кверху босые пятки, захохотал:

— Ме-ме-ланхолик! Ме-ме-ланхолик!

Сережка ткнул его кулаком в бок:

— Перестань!

Петька сел и, все еще едва сдерживая смех, спросил:

— Василий, а что такое ме-лан-хо-лик?

Тот снял котелок с очага, поставил на траву, накрыл крышкой:

— Меланхолик? Как бы тебе оказать... ну, человек, который хандрит.

— Как это — хандрит?

— Ну, тоскует о чем-нибудь. Ходит, молчит, в землю смотрит, будто что-то потерял.

— Теперь так и будем тебя называть — меланхолик! — допекал Петька Сережку.

— Перестань, говорю! — Сережка уже сжал кулаки — быть потасовке. Но Петька сказал миролюбиво:

— Ладно, перестал. Теперь что?

— А не трепись. Понял?

— Понял. Больше половины.

— Хватит ссориться, — Василий поднялся. — Вон мать идет. Пойдемте обедать.

В самом деле, хлопнула калитка, и Сережкина мать, быстрая, маленькая, в синем сарафане и белой кофте, торопливо шла к крыльцу. Рядом с ней семенил Граф. Мать крикнула:

— Эй, мужики! Обед готов?

— Готов! — весело отозвался Василий. — Пошли, пошли, ребята!

— Мы ели на станции, — ответил Сережка. — Я не хочу.

— Ну, как хочешь. Было бы предложено, — сказал Василий, взял котелок и пошел в дом.

Граф крикнул с крыльца:

— Сережка! Я твою долю съем.

— Ешь. Скорее вырастешь!

Очаг потух. Мы растянулись на траве — голова к голове и стали думать, чем бы нам заняться. Петька предложил играть в наступление:

— По всем правилам, чтобы... У нас будет свой командир, штаб, телефон, карта... Наметим район, где будем наступать.

— Не, — возразил Сережка. — Надо сначала в оборону, а потом в наступление. На фронте всегда так: прежде оборона, а после уже наступают.

— Ну, ладно. Пусть сначала оборона, — согласились мы. — Давайте наметим план. Где будет штаб?

— Здесь, в садике, — предложил я.

— Нет, тут не годится, — сказал Петька. — Тут будут нам мешать. Только начнешь играть, как мамка пошлет за водой или в магазин.

— Знаете где? — Сережка приподнялся на коленях и показал в сторону вокзала. — Там, возле тупика, старый вагон есть. В нем сделаем штаб. Место хорошее — кусты, овражек. Мы пошли на станцию.

Глава четвертая

ВАГОН В ТУПИКЕ

И чего тут только неросло! Ивняк, ольшаник, бурьян с беленой, крапива. Пробраться к вагону, стоявшему в тупике, на ржавых рельсах, было трудно. В старом-престаром вагоне-развалюшке, видимо, раньше кто-то жил. Внутри мы обнаружили сложенную из кирпичей маленькую печурку с железной трубой, выведенной в дыру на крыше. У единственного оконца с запыленным, треснувшим стеклом стоял шаткий столик, сколоченный из досок от ящиков. На столешнице сохранилась надпись черной краской: «Верх, не кантовать!»

Больше в вагоне ничего не было, если не считать обрывков старых газет, охапки слежавшейся прелой соломы в углу и битых кирпичей.

Вагон стоял в укромном месте — его не было видно ни с главного пути, ни со стороны вокзала. У входа — маленькая поляна, поросшая мягкой травой и широкими, угловатыми листьями мать-и-мачехи. За полянкой те самые дебри, в ко-

торых мы обожгли о крапиву и больно оцарапали о колючки ноги, пробираясь сюда.

— Тут и будет наш штаб, — сказал Сережка. — Спрячтан надежно, врагу не виден.

— А где враг? — спросил я.

— Противник занимает оборону во-о-он там, за кустами, перед болотом, — Сережка показал на мелкоколесье, прилегающее к железнодорожной линии.

Мы говорили полупшепотом, нам и в самом деле казалось, что враг близко, он может услышать.

— Давайте, приведем в порядок блиндаж, — Петька скрылся в темном проеме вагонной двери.

Мы выбросили весь мусор и хлам, из веток сделали венник и подмели пол. Стало чисто и даже уютно.

— Здесь мы поставим телефон, — Сережка попробовал прочность стола. Он был устойчив.

— А тут повесим карту, — Петька ткнул пальцем в прокопченную щелястую стену.

— А чем будем воевать? — спросил я. — Опять трещотками, как весной?

Сережка, будто у нас был целый арсенал с оружием, стал перечислять:

— Возьмем пулеметы, гранаты. Спрячем в кустах батарею пушек.

Мы не стали ему возражать, сделали вид, что все это можно раздобыть. Игра есть игра.

В вагоне было темновато, и мы вышли на полянку.

— Надо выбрать командира, комиссара и наблюдателя. Без наблюдателя воевать нельзя, — сказал Сережка. — Давайте, я буду командиром.

Петька с ним не согласился:

— Во как! Он будет командиром! А чем я или Колька хуже тебя? Каждый из нас может быть командиром. Надо по-честному, надо жребий бросить!

В это время из кустов явственно донеслось:

— К-к-командиром буду я!

Мы обернулись: из-за веток выглядывала добродушная и плутоватая физиономия Графа.

— И ты здесь? — Сережка укоризненно покачал головой. — Все за нами шпионишь? Марш домой!

— А вы все тайком от меня! — упрекнул Граф, выйдя из кустов.

— Как ты нас нашел?

— Очень просто, п-п-пошел за вами и нашел.

— Ладно, садись сюда, — смягчился Сережка. — Будем бросать жребий. И раз пришел Граф, надо еще одну должность. Пусть один из нас будет неприятелем, немцем. А то против кого же воевать?

Мы согласились. Петька вырезал из ивового прутика перочинным ножиком палочки разной длины.

— Длинная палочка — командир, короче — комиссар, еще короче — наблюдатель, а самая короткая — немец, фашист.

Стали тянуть жребий. Длинную палочку вытянул Граф. Сережка тотчас выхватил ее у него из рук:

— Давай снова!

— 3-з-зачем снова? — Граф сморщил лицо, готовая заплакать. — Сказано: длинная палочка — командир. А я ее вытащил!

— Ты не годишься в командиры! Ты еще маленький. Вытащи себе палочку покороче!

Граф недовольно засопел, отвернулся. У него от возмущения даже покраснели уши.

— Тяни, Граф! — Петька нарочно подтасовал палочки так, чтобы Юрке досталась самая короткая, и почти насильно совал ее Графу в руку.

Но Графа не проведешь. Он потянул палочку из середины, и ему выпала должность комиссара.

— Вот видите! — торжествующе воскликнул Юрка. — Я — комиссар. А вы делите остальные должности.

Мы переглянулись. Юрка, конечно, не подходил и на должность комиссара.

— Давайте до трех раз тянуть, — Сережка подмигнул нам с Петькой.

Граф заметил, что он подмигнул, надулся и швырнул палочку в траву.

— Не швыряйся, Граф. Такой порядок, что жребий тянут до трех раз.

— Ну, тяните, — сказал Петька, выбросив вперед руку с зажатými в ней палочками.

Мы долго примеривались, кому какой жребий вытянуть. Вышло так: Сережка получил должность командира, Петька — комиссаром, я — наблюдателем, а Граф стал немцем.

Юрка заерзал на траве и показал нам кукиш. Рука у него была в царапинах, измазана грязью.

— Не хочу немцем. Что я, Г-гитлер, что ли?

— Ну, не немцем, а просто неприятелем, — объяснял Сережка. — Понимаешь: неприятелем. Это же понарошку. Ты будешь воевать против нас, а мы против тебя. Неприятель по-военному называется противником. Понял?

Граф прищурился на брата недоверчиво и вдруг просиял:

— Пускай я буду неприятелем. Я в-в-вам п-покажу! Всех п-перестреляю!

Петька откинулся навзничь и захохотал:

— Ай да Граф! Валяй, стреляй! Ты — храбрый парень!

Сережка сказал братишке:

— Теперь иди домой, сделай себе трещотку или поищи на чердаке старую. А то чем стрелять будешь?

— А я у Василия в-возьму револьвер. Вот! — Граф показал язык и вперевалку пошел к кустам.

Мы засмеялись:

— Так Василий и даст тебе револьвер!

У Василия действительно был пистолет. Вернувшись с фронта, он показывал его нам. Называется «ТТ» — «Тульский, Токарева». Это — именное оружие. На пистолете выгравирована надпись: «Разведчику Ванееву за боевой подвиг 25 июля 1942 года». Василий рассказывал, что тогда он в разведке боем захватил в плен важного немецкого офицера с секретными документами.

Василий спрятал пистолет и больше не показывал его.

Когда Граф скрылся в кустах, мы встревожились. А вдруг он найдет пистолет? Если Юрка стащил из посылки махорку, то он вполне может стащить и пистолет, если разнюхает, где Василий его прячет. И если уж он сумел закурить, то, наверное, сумеет и выстрелить!

— Надо пойти предупредить Василия, еще чего доброго...

Сережка не договорил и кинулся бежать. Мы — за ним.

Подбежав к окну и приложив ладони к вискам, чтобы заслониться от света с улицы, Сережка подозвал нас. Мы тоже всмотрелись в полумрак комнаты и увидели Графа. Он неторопливо подошел к кровати Василия, поднял подушку, заглянул под нее, потом пошарил под матрасом, поправил кровать, постоял посреди комнаты в раздумье и направился к сундуку, находившемуся в углу. Открыл его и долго в нем рылся.

— Пистолет ищет, — шепнул Сережка. — Вот пройдоха! Граф с видимым неудовольствием опустил крышку сундука.

— Теперь пойдет в сарай, — уверенно сказал Сережка.

И в самом деле, Граф, закрыв дверь квартиры на замок, сошел с крыльца и направился в дровяной сарай. Из сарая он вышел с видом крайне разочарованным. Тут мы и поймали его.

— Ты что это, Юрка? — спросил Сережка.

— А ч-чего? — недоуменно отозвался Граф. Глаза его бежали по сторонам.

— В кровати Василия шарил, в сундуке шарил, в сарае шарил. Долго будешь разбойничать?

— Я н-не шарил, — ответил Граф, сделал кислую мину и стал тереть кулаками глаза. Но мы видели, что глаза у него сухие и плакать он не собирается.

— Как же не шарил? — наседал Сережка. — Ты же пистолет искал. Мы всё видели!

— А п-подсматривать нехорошо, — укоризненно сказал Юрка.

— За такими, как ты, не посмотри — так и до беды недолго, — упрекнул брата Сережка. — Придет Василий, мы ему скажем, что ты хочешь стащить пистолет.

Граф опустил руки, шмыгнув носом:

— Я н-не искал п-пистолет. Я... я...

— Давай, не выкручивайся!

— В-вы наябедничаєте, да?

— Ябедничать мы не будем, но проучить тебя надо!

— Я б-больше не б-буду шарить... Только не говорите.

— Ну, смотри же!

Глава пятая

«СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА»

Мы смастерили из ящика, баночек из-под ваксы и куска провода телефон, начертили на плотной оберточной бумаге план местности и, встав рано утром, хотели было отправляться к вагону, чтобы начать военную игру. Но тут в Петькиной квартире открылось окошко, и вдова Цыганова крикнула на весь сад:

— Петька-а-а! Иди завтракать. А после картошку окучишь!

Петька, заправляя рубаху в штаны, недовольно помотал черноволосой кудрявой головой:

— Вот не вовремя эта картошка!

Как по команде открылось окно в нашей квартире, а потом в квартире Ванеевых.

Сережкина мать распорядилась:

— Сережа! Пора картошку окучивать!

Моя мать о чем-то поговорила с Сережиной и тоже сказала:

— Коля! Тяпку возьми в чулане!

Игру пришлось отложить.

Огороды были тут же, за домом. На узких и длинных полосках небольшими кустиками поднялась молодая светло-зеленая картофельная ботва. Земля от солнца потрескалась, слежалась корочкой. Став на конце участка, я начал ковырять тяпкой сухую землю. Из-под тяпки поднимались мелкие облачка пыли. Неподалеку появились, тоже с тяпками, Петька и Сережка. Сережка предложил:

— Давай, кто скорее окучит участок!

— Давай. А после пойдем купаться.

Поплевав на руки, мы принялись за дело. Земля плохо поддавалась ударам. Скоро я набил на ладонях мозоли. Солнце с утра жарило в спину, пот стекал на лоб, попадал в глаза, щипал их. Я снял рубаху. Глядя на меня, обнажили свои спины и ребята. Без рубах стало легче, свободнее. Но страшно хотелось пить. Я пошел к колодцу, достал черпалом воды. Петька и Сережка тоже примчались «на водопой». От холодной воды заныли зубы. Мы устроили перерыв, сели в тени под деревом и стали показывать друг другу мозоли.

— Видите у меня какие — больше ваших! — похвастался Петька.

— Нашел чем хвалиться! Мозоли — от неуменья.

Сережка прищурился на солнце и лег животом на траву.

— Мне наплевать, умею там или не умею, — отозвался Петька. — Придет мамка — покажу ей мозоли, она и пожалеет, скажет — завтра закончишь работу.

— Что и говорить, — Сережка сплюнул сквозь зубы. — Хитер, белоручка!

— Кто белоручка? Я? — Петька вскочил. — Ты не обзавайся! А где темляк?

— Дома. Повесил на стенку. Пусть висит. Пока он нам не нужен. Ладно, — отдохнули, пора и за дело!

Мы снова стали ковыряться в земле. Но в это время мимо нас по улице пошли строем бойцы с песней, и мы, побросав тяпки и наскоро надев рубахи, высыпали на тротуар.

Бойцы шли к вокзалу, поднимая сапогами тучи пыли. За спиной у них вещевые мешки, через плечо — шинельные скатки, на боку — маленькие лопатки, противогазы в зеленых сумках. К вещмешкам приторочены каски. В колонне по-четыре бойцы заполнили всю узенькую улочку. Дружно и голосисто пели:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война!

Сбоку шагал командир. Он, поворачиваясь к строю, командовал:

— Раз-два-три...

Мы пошли следом.

На станции колонна остановилась на перроне, и бойцы по команде повернулись к вокзалу. Командиры разбили их на группы, и каждая из них стала грузиться в теплушки. В голове эшелона попыхивал дымком паровоз, нетерпеливо ожидая, когда можно будет тронуться с места.

Без суеты и спешки, по-военному четко бойцы вскакивали на стремянки и исчезали в темных проемах дверей. Перрон быстро опустел.

Из комендатуры вышел усатый комендант и отдал какое-то распоряжение командирам. Те тоже разбежались по теплушкам. Появился дежурный по станции в красной фуражке и ударил в колокол. Тотчас раздался свисток главного кондуктора, паровоз откликнулся гудком, и поезд застучал по рельсам на запад.

По опустевшему перрону, меряя длинными ногами асфальт, вышагивал милиционер Бежевый. Он курил папиросу и от нечего делать смотрел на воробьев, которые россыпью серых комочков усеяли кусты акации и черемухи в палисад-

нике перед вокзалом. Бежевый погрозил нам тонким узловатым пальцем.

— Вы опять тут торчите? Неужто у вас никакого дела нету?

От его голоса воробьи испуганно поднялись все разом и улетели. Мы не боялись Бежевого. Это был в общем-то добродушный человек. Он грозил нам для порядка, а скорее всего от скуки: дежурство длинное, а время идет медленно. Подойдя, мы заговорили с ним:

— Какая у вас красивая форма! Видать, новая!

— А кобура-то блестит! Как лакированная!

— А в ней револьвер! Настоящий!

Бежевый стоял, оглушенный нашей болтовней. Его рябое лицо вытянулось, маленькие синие глаза прищурились, длинный хрящеватый нос нацелился на Петьку. Казалось, Бежевый вот-вот чихнет. Но он не чихнул, а пошел на нас, растопырив руки. Мы разбежались в разные стороны. Бежевый рассмеялся и бросил окурочек в урну:

— Испугались, чертенята! То-то же!

Солнце поднялось высоко. Стало жарко, и мы решили испугаться.

— Айда на речку! А потом опять за картошку.

Речка Торгус не очень глубокая, неширокая, но быстрая, протекала в низинке, в полуверсте от вокзала. Она перерезала железнодорожную насыпь. С берега на берег перекинулся мост. Высокий, ажурный, красивый, он покоился на трех железобетонных опорах и нес на себе два ряда стальных рельсов. При въезде на мост и выезде с него были устроены дощатые будки. В них круглые сутки стояли часовые с винтовками. На левом берегу, в окопах, укрытая маскировочной сетью, притаилась зенитная батарея.

К мосту близко подходить не разрешалось: запретная зона.

Между станцией и мостом в реку врезалась отмель, а за ней, под берегом — омут. На отмели мы удили хариусов, ельцов и пескарей. В омуте водились щуки, окуни. Берега поросли ивняком, который ближе к мосту был вырублен начисто, чтобы часовые могли просматривать местность.

Отмель называлась Ивушкиной. Возле нее, на песчаном, обрывистом на юг берегу, мы всегда загорали.

Неподалеку, по насыпи, через мост все шли и шли составы, торопливо и неистово грохоча по рельсам.

Мы разделись и кинулись в воду. Плавали, ныряли, а после стали в круг и «заварили кашу» — с шумом мутили воду сцепленными руками.

Потом заметили на берегу Графа. Он стоял на корточках возле нашей одежды и что-то делал, суетливо работая руками. Беловолосая голова его, как шар, блестела на солнце.

— Эй, Граф! Ты что там делаешь? — кинулись мы к нему.

Сопя и краснея от усилий, Юрка завязывал узел на рукаве Петькиной рубахи, словно бы не замечая нас. Петька приподнял его за шиворот:

— Зачем ты это?

— Узелок н-н-на память, — невозмутимо ответил Граф, точь-в-точь повторив Петькины слова. Мы вспомнили, что три дня тому назад Петька из озорства завязал узел на мокром рукаве Сережкиной рубахи.

— А намочить у тебя ума не хватило? Моченый узел и зубами не скоро развяжешь!

— Н-н-намочить забыл.

Граф отошел в сторону и принялся разглядывать мост и речку. На воде словно блестели тысячи маленьких осколков от зеркала так, что глазам становилось больно.

— А я сегодня ел гречневую кашу, — щурясь, похвастался Граф. — Вкусно!

Он даже облизнулся.

— А губа у тебя не болит? — усмехнувшись, спросил Петька, без труда развязав узелок на своей рубахе.

— З-з-зажила. Только еще немножко болит, когда горячее ем. Я д-д-дую на горячее...

— Юрка, можешь выкупаться, пока мы тут, — разрешил Сережка.

Граф покосился на нас недоверчиво:

— Надо раздеваться, — не то спросил, не то утвердительно произнес Граф.

— Как же не раздеваться? Конечно, надо.

— Хитрые! Еще мне завяжете узел!

— Была нужда! — небрежно бросил Петька.

Юрка улыбнулся, не спеша снял рубашонку, трусики, поверх них положил камень-голыш и побежал к воде, оглядываясь.

— Да не оглядывайся! — крикнул Сережка. — На быстрину не заходи!

Граф купался недолго. Вскоре он вышел из воды. На теле у него появилась гусиная кожа, нижняя губа, синяя от недавнего ожога, ходила ходуном.

— Х-х-холодно, — пробормотал он сипло.

— Ложись сюда, на песок. Согреешься, — позвал брат.

Граф растянулся на горячем песке.

— Юрка, расскажи что-нибудь, — лениво обронил Петька, почесывая одну босую ногу другой.

— А я н-н-не Юрка...

— Кто же ты?

— Г-граф Тар-та-к-ковский, вот кто!

— Какой же ты граф? Под носом сопли, губа синяя. У настоящего графа усы, — сказал я.

— И ходит он во фраке, а не в трусиках, — добавил Петька.

Граф молчал, раздумывая над тем, что мы ему сказали. Разговор ему, видимо, не нравился, и он перевел его на другое:

— Почему вы не подождали меня? Я тоже хотел на реку.

— Не маленький, сам дорогу знаешь!

— Да я-то знаю... только вам надо было подождать меня.

Юрка вскочил, надел трусики, подпрыгивая на одной ноге. Одевшись, стал на колени и начал рыть в песке ямку сучком, подвернувшимся под руку. Солнце припекало, лежать на пляже было приятно: на душе легко, мысли какие-то неторопливые, будто полуденные облака в ясный безветренный день, тихо плывущие по небу.

По железнодорожной насыпи к мосту спешил товарный поезд, грохоча на всю окрестность. Из трубы паровоза вырывались клочья дыма и висли на верхушках кустарника. Состав втянулся в ажурное переплетение моста, и гул от грохота колес стал явственней и громче.

Мы молча провожали эшелон взглядами. Петька мечтательно сказал:

— Сесть бы на поезд, да и махнуть бы на фронт! Все воюют, а мы тут в тылу околачиваемся!

— Вернут с полдороги, — заметил Сережка, — скажут: малы еще. Им, взрослым, все кажется, что мы маленькие...

— Что мы, стрелять не умеем? — Петька сел.

— А умеешь ли? — прищурился Сережка.

— Это же просто! Прицелился, нажал собачку — и бабах! Стащил бы ты пистолет у Василия, постреляли бы и на место положили.

— Я же не Юрка!

Вспомнив о картошке, мы оделись и побежали на огорды. Граф еле поспевал за нами.

Мы набили на руках кровавые мозоли, но дело все же довели до конца.

Глава шестая

...И ГРЯНУЛ БОЙ

— Почему же он не стреляет? — спросил Петька, высушившись в дверь и внимательно осматривая окрестность. — Пора начинать!

Неприятель Граф не подавал признаков жизни. У нас все было готово к предстоящей операции: на стене висела карта местности, на столе стоял телефон. Мы сгорали от нетерпения.

Наконец неподалеку в кустах затрещал пулемет. Он был кочующим: его переносили с места на место. Василий рассказывал нам, что на фронте бывают такие «кочующие» огневые точки. Постреляет фашистский пулеметчик из одного места и сразу переходит на другое для того, чтобы наша артиллерия не могла его быстро уничтожить. Граф об этом, может быть, и не знал, но стрелял приблизительно через равные промежутки времени из разных точек.

Наконец вражеский пулеметчик основательно окопался на пригорке близ железнодорожной насыпи и сыпал оттуда очередями без передышки.

Сережка синим карандашом отметил на карте расположение пулемета врага.

— Готово, — воскликнул он. — Засекли. Докладывай в штаб, — скомандовал он мне.

Я связался по телефону со штабом полка и доложил, где находится враг. Оттуда нашему батальону последовал приказ: подавить пулемет неприятеля артиллерийским огнем и перейти в наступление.

Мы выскочили из вагона и помчались на батарею. Батарея — дырявая железная бочка из-под керосина — была надежно спрятана в кустах. На ней лежал металлический шкворень от телеги.

Петька схватил шкворень, я забрался на крышу вагона корректировать огонь. Сережка стал командовать:

— Батарея! Осколочными по огневым точкам противника огонь!

Петька бухал шкворнем о бока бочки. Это было похоже на настоящую артиллерийскую стрельбу.

Бум... бум... бум...

— Огонь! — кричал Сережка.

Бум... бум... бум... — гудела бочка.

— Корректировщик, проверить попадания!

Я вглядывался в пустырь за перелеском. Влево, у насыпи, на пригорке сидел Граф и старательно крутил деревянную трещотку.

— Левее! — крикнул я.

— Прицел семьдесят шесть! Огонь! — приказал Сережка.

Бум... бум... бум...

— Теперь снаряды рвутся ближе к цели, — сказал я. — Надо еще левее!

— Еще левее! Огонь!

Бочка снова загудела. Но пулемет не умолкал.

— Еще огонь! — крикнул я.

— Огонь!

Тут Граф перестал крутить трещотку и скатился за пригорок, скрывшись из виду.

— Пулемет умолк, — сказал я.

— Приготовиться к атаке! — приказал командир.

Я быстро спустился вниз. Схватив деревянные трещотки, мы цепью рассыпались по перелеску и стали его прочесывать. Миновав перелесок, закидали вражеские траншеи гранатами — кулками с песком и рванулись в штыковую атаку.

— Ура-а-а!

Мы кололи штыками, били прикладами воображаемого противника, расстреливали его в упор из автоматов. А где же главные силы неприятеля? Мы стали усиленно искать их, добрались до «огневой точки» и остановились удивленные: Граф, положив под голову трещотку, дремал на солнышке, на склоне пригорка. Петька ринулся на него, крича:

— Живьем берем! В плен!

Он навалился на Графа. Тот спросонья стал отчаянно отбиваться руками и ногами и угодил пяткой по Петькиному носу. Тот взвыл и зажал нос рукой. Из-под ладони показалась кровь.

— Комиссара ранило! — крикнул Сережка. — Где санитары? Перевязать!

Петька промычал:

— М-м-м... перевязжусь сам...

Он спустился к канаве, в которой было немного воды, и стал примачивать нос. Граф виновато смотрел, как Петька, стоя на корточках, запрокидывает голову и льет из ладони воду на лицо.

— Я неча-а-янно, — тянул Граф, беспокойно посматривая на Сережку и, видимо, ожидая взбучки.

— Ничего, — сказал я. — На войне всякое бывает. Хорошо, что еще не до смерти!

— А ты чего уснул? — спросил Сережка у Графа.

— Скучно. В-вы б-б-бухаете в бочку, я кручу трещотку. Разве это война? На войне совсем не так! — Он помолчал, посопел и опасливо отодвинулся от Петьки, который, остановив кровотоечение, присоединился к нам. Сережка порылся в карманах и достал предусмотрительно взятый из дому бинт.

— Из мамкиного сундука, — подмигнул он нам. — Давай, комиссар, перевяжу.

— Не надо. У меня уже все прошло, — отказался Петька.

— Ну, как хочешь. — Сережка спрятал бинт. — А ты, Юрка, знаешь, что бывает, когда солдат на посту заснет?

— Н-не знаю, — Граф посмотрел на брата широко открытыми невинными глазами.

— Такого солдата арестовывают и за измену посылают под суд военного трибунала! Вот мы и будем тебя сейчас судить.

— М-меня судить н-нельзя.

— Почему нельзя? Очень даже можно.

— Нельзя! Я н-не ваш солдат. Я — противник. Как же будете м-меня судить? Скажите спасибо, что я задремал и не стрелял в вас! Вот!

— Хитер. Ловко вывернулся! — захохотал Петька. — А все-таки, Граф, как можно так воевать — пяткой?

— А на в-войне не разбирают. Бьют ч-чем п-попало.

— Опять изловчился. Ну и Граф! За тебя голыми руками не ухватишься.

Сережка сунул свою трещотку под мышку и встал:

— Надо собрать побольше ребят и тогда война будет интереснее. Ну, бой окончен. Пойдем, закроем штаб.

Мы спрятали оружие в вагон и навесили на дверь старый замок.

Глава седьмая

ЧТО ТАКОЕ ВНОС?

С утра небо обложило серыми клочковатыми облаками, и зарядил дождь. Мать ушла на работу, я валялся на диване с книжкой. Потом читать надоело — глаза устали, да и книжка попалась неинтересная. Поев на кухне картошки с подсолнечным маслом и заперев дверь на замок, я отправился к Сережке.

У Ванеевых никого из взрослых тоже не было дома: ушли на работу. Граф возился с игрушками на полу, Сережка стоял у окна и рассматривал какой-то конверт.

— Нам письмо, — сказал он, когда я вошел. — Только что принесли.

— От кого?

— С фронта. Видишь — штамп: полевая почта номер 3821, литер «П». Интересно... от кого же? Верно, от отца. От него давно писем не было... Уж не случилось ли с ним чего? Только вот номер почты не тот... И почерк не батин.

— А может, это от того, кому попала наша посылка?

— Может быть, — согласился Сережка. — Я и забыл про посылку!

Он хотел было вскрыть конверт, но я сказал:

— погоди минутку. Надо Петьку позвать.

— Зови! Тогда и распечатаем.

Петька подметал пол сухим веником, и в комнате у него стояла туча пыли.

— Надо было веник намочить! — сказал я ему. — Кончай мести. Пойдем письмо читать.

Петька бросил в угол веник, и мы спустились на первый этаж, к Сережке. Сели за стол, Сережка вскрыл конверт. Граф, строивший в углу хитрое сооружение из кубиков и спичечных коробков, тоже подошел к нам. Его разбирало любо-

пытство. Сережка положил на стол пустой конверт, и Юрка схватил его.

— Не трогай! — прикрикнул брат.

— Очень нужно! — Граф надулся, но положил конверт на место.

Сережка развернул письмо, быстро пробежал его. По выражению его лица я понял: пишет не отец.

— Бумага из тетрадки в клеточку. Написано химическим карандашом...

— Да читай! — нетерпеливо толкнул его локтем Петька.

— Почерк красивый, — Сережка нарочно тянул, испытывая наше терпение.

— Давай, я прочитаю! — не выдержал Петька и хотел взять письмо, но Сережка отстранил его руку и стал читать:

«Здравствуйте, дорогие ребята — Петя, Сережа и Коля! Шлем вам с фронта пламенный комсомольский привет и нашу благодарность за посылку. Ее мы получили 12 июля. Распечатали, прочли письмо и были приятно порадованы подарками.

Если бы вы знали, как дорога для нас каждая весточка из тыла! Весь советский народ отечески заботится о тех, кто воюет с ненавистным врагом, и мы всегда это помним и высоко ценим. Такая забота удесятерит наши силы, прибавляет бодрости и стойкости.

Фронт и тыл живут одним: поскорее разгромить врагов и вернуться к мирному труду. Мы верим: Победа близка!»

Дальше фронтовики сообщали в письме, что полученными подарками поделились с бойцами соседней части:

...«Мы передали бойцам-артиллеристам платочки, бумагу, конверты, табак и папиросы (сами мы не курим). Командир батареи шлет вам благодарность и привет».

Сережка прервал чтение. Мы переглянулись: почему они не курят?

— Верно, все бросили по уговору, — заметил Петька.

Сережка стал читать дальше:

«Все девчата нашего подразделения живут дружно, одной семьей...»

— Девчата? — воскликнули мы в один голос. — Вот так штука!

«Служим мы на посту ВНОС, в прифронтовой полосе. Мы, хотя и не на самой передовой, но служба у нас очень ответственная. Еще и еще раз большое вам спасибо! Желаем хорошо отдохнуть летом, а с осени как следует взяться за учебу. Давайте и в дальнейшем писать друг другу о том, как мы живем.

С боевым приветом!

По поручению бойцов отделения службы ВНОС Таня Любезнова».

— Вот так история! — огорчился Сережка, дочитав письмо. — Посылали посылку бойцам, а получили ее девчонки!

— Не девчонки, а девушки, — поправил Петька. — И они тоже ведь воюют. Это даже очень интересно, что посылка попала к девушкам.

— А что такое ВНОС? — спросил я.

Никто из нас не имел понятия об этом. Граф, молчавший до сих пор, подал голос:

— Н-н-ну кому-либо д-дали в нос. Немцам...

Сережка схватил Юрку за нос и потянул его:

— Сам ты немец. Айда к Василию. Он все объяснит.

Василий вспомнил свое довоенное ремесло и поступил в сапожную мастерскую. Она находилась на улице Челюскинцев, в старом доме, вросшем в землю так, что окна первого этажа были почти на уровне тротуара. Мы частенько навещали Василия. Он сидел за низеньким верстаком у окошка и бойко стучал молотком, вгоняя в подошву ботинка или сапога деревянные шпильки. Во рту у него вечно торчали то шпильки, то гвоздики. Он ловко хватал их и забивал в башмак. В сатиновой рубашке, с закатанными до локтей рукавами, в фартуке из мешковины, Василий имел вид заправского мастера. Когда Сережка подавал ему сверток с едой, он подмигивал нам:

— Как дела, вольница? Все воюем? А трофеи есть?

Поев, он опять брался за молоток или сшивал дратвой кожу. Работы мастерам хватало. Новая обувь в продаже появлялась редко, и жители Грачей ремонтировали старую, а кто имел в запасе «товар», заказывал себе сапоги или туфли по мерке.

Окно в мастерской было, как всегда, отворено, и Василий, сгорбившись над ботинком, надетым на колодку, подравнивал ножом только что прибитую подметку.

Тесня друг друга, мы всунулись в окошко, заслонив свет.

— Василий! Мы получили письмо!

— С фронта!

— Скажи, что такое ВНОС?

Василий неторопливо зачистил края подметки рашпилем, прошелся по ним рантовкой, вытер руки о фартук:

— Где письмо? Покажите.

Прочитав его, Василий улыбнулся:

— Ваша посылка попала в часть ПВО, а там служат девчата.

— А что такое ПВО? Противовоздушная оборона, да? — спросил Петька.

— Точно! Противовоздушная оборона. А служба ВНОС расшифровывается так: Воздушное наблюдение, Оповещение, Связь. У девчат там наблюдательный пункт. Они следят за воздухом, то есть за небом. Заметят немецкий самолет, определяют направление, куда летит и сообщают данные в штаб. А из штаба дают команду зенитчикам, летчикам-истребителям. Вот что такое ВНОС. Поняли?

— Поняли.

Вернувшись домой, мы хотели было написать девушкам ответное письмо, но раздумали.

— Что такое две пачки печенья на службу ВНОС? — досадовал Петька. — Пустяки. Стыдно так мало посылать. Наверное, и по одной печенюшке им не досталось!

— Мы же не знали, что посылка попадет девушкам, — сказал Сережка.

— Надо собрать новую посылку, — задумчиво ероша черный вихор, произнес Петька. — Хоть и трудно собрать, а надо отправить девчоночью посылку. Без кисетов и папирос...

— А что в нее положить?

— Шут его знает... шелковые чулки, например...

— А где их взять? Не так-то просто сейчас найти шелковые чулки, да еще не одну пару...

— А головные платки? — неуверенно предложил Петька.

— На что им платки? У них есть пилотки.

Что посылать военным девушкам? Вот задача! Мы долго думали, что бы такое им подарить.

— А духи! — воскликнул Петька.

— Духи — можно. И губную помаду.

Граф, как всегда, предложил самое неожиданное:

— Надо п-п-послать им цветы.

— Скажешь тоже! Завянут в пути.

— Б-бумажные не завянут.

— Зачем им бумажные цветы? Чепуха!

— Ну, т-тогда гармонь.

— Гармонь? Ты рехнулся, Граф! — поморщился Сережка. Зачем им гармонь? И где ее взять?

— Г-гармонь затем, чтобы им было весело.

— Лучше помолчи! — оборвал братишку Сережка.

— Знаете, что пошлем? — пришло мне в голову. — Гитару! Девушки любят петь под гитару.

— А примут такую посылку?

— Почему не примут? Примут! — уверенно поддержал Петька. — Соберем денег и купим гитару.

Граф показал пальцем на письмо, лежавшее на столе:

— Сережка, а мне там привет есть?

— Есть, есть, — успокоил его брат.

— Я от себя тогда pošлю им дом. Примете меня в посылку?

— Какой дом? Ты что, Юрка?

— Н-нарисую. Цветными карандашами. Во такой! — Граф широко развел руками.

— Ладно, рисуй, — согласились мы. — Только смотри, не стащи что-нибудь из посылки, как тот кисет.

Граф сказал снисходительно:

— У девушек я тащить не буду.

Глава восьмая

НЕПРОШЕННЫЙ КВАРТИРАНТ

Через несколько дней мы, собрав компанию из ребят соседних домов, задумали провести большую военную операцию — разведку боем. Перед этим мы посоветовались с Василием, и он рассказал нам, как это делается.

Нас собралось около десятка. Сережка, Петька и я остались в прежних должностях. Назначили командира разведгруппы, сапера — проделывать проход в минном поле, сани-тара.

Роль «языка» отводилась Графу. Сначала он не соглашался стать пленным, но мы втолковали ему, что прежняя должность неприятеля остается за ним, и что он может так искусно спрятаться в зарослях кустарника, что разведчикам придется долго его искать. Они могут и вообще его не найти, если он проведет всех.

Мы пошли к штабу, но там нас ожидал неприятный сюрприз. На двери вагона был приделан крепкий засов и висел огромный амбарный замок.

Наш телефон валялся под березами, карта — тоже. На одной из березок виднелся жестяной умывальник, и земля под ним была влажная от воды.

Сомнений быть не могло: в вагоне кто-то поселился. Мы подкатили бочку к окошку и поставили ее «на попа». Петька, забравшись на бочку, заглянул в окно.

— Плохо видно, — сказал он. — Ужо пригляжусь, — он приставил ладони ребром к стеклу и стал приглядываться, а потом сообщил: — На столе котелок, тарелка. Еще что-то в бумагу завернутое. У стены топчан, на нем матрац, одеяло, подушка. Ясно, ребята: тут поселился квартирант.

Он спрыгнул с бочки, и мы откатили ее в кусты.

Что делать?

— Сорвать замок, выкинуть все вещи и играть! — запальчиво сказал Петька.

— Нельзя. Прав на это не имеем, — угрюмо возразил Сережка. — Придется идти куда-нибудь в другое место...

— Нет, надо вытурить его из вагона! Ведь мы первые заняли теплушку! Пожалуемся Бежевому! — настаивал Петька, и глаза его сердито сверкали.

— Ну, Бежевый тут нам не помощник, — отозвался осторожный Сережка. — Пусть уж здесь живет эта личность. Может, ей квартиры не дают в поселке.

— А что за личность? Кто такой? Может, нехороший человек, раз в кустах прячется, на отшибе!

— Потом узнаем, — сказал Сережка. — Айда к водокачке, там будем играть.

Мы пошли к водокачке и устроили там командный пункт. Но игра не получилась. Ребята перессорились. Когда все улег-

лось и «поиск» начался, «языка» нигде не могли обнаружить. Граф, наверное, удрал домой.

* * *

Вечером мы сидели на лавочке у нашего крыльца. Со станции доносился грохот товарного состава. Как всегда, в это время грачевцы возвращались с работы.

Разговор у нас что-то не клеился. Опасливо, бочком, косясь на нас, подошел Граф. Одна штанина у него была закатана до колена, другая волочилась по земле — штаны были Сережкины, старые, и Граф за неимением новых донашивал их.

— Ты чего штанину распустил? — спросил Сережка.

— Эт-то не я. Собака! — ответил Граф. — Я шел, а она вцепилась в штанину и р-распустила. Я ее палкой — она и убежала.

— А почему ты удрал из игры?

— В-вы там все переругались, а я буду ждать, когда меня придут веревкой связывать? Нашли д-д-дурака!

— Ну и парень! — восхищенно покачал головой Петька. — Ухо режь — крови не увидишь! Что из него будет, когда вырастет?

В руках у Юрки была палка. От нечего делать он водил ею по балясинам крыльца. Получалась звонкая надоедливая дробь.

— Перестань! — одернул его Сережка.

— Перестал, — сказал Граф и поднял палку. — Видишь?

— Что «видишь»?

— Палка.

— Ну, палка...

— А если подойти ночью к в-вагону да пугнуть его? Знаешь как? Палкой легонько постучать по стеклу и завыть — у-у-у! Испугается! Подумает — нечистая сила и уйдет.

— Сам ты нечистая сила! — сказал Сережка.

— А что если и в самом деле попробовать? — оживился Петька. — Раз попугать, другой раз попугать, третий... Надоест ему и уйдет. Давай сегодня нагоним на него страху.

— Сегодня?

— Да.

— Ночью?

— Конечно! Ночью страшнее.

— Давай попробуем, — согласились мы с Сережкой.

- Меня разбудите! — попросил Граф.
— Ладно. Разбудим.

Графа мы, конечно, будить не стали. Пусть спит. Ровно в полночь мы собрались в поход. Обычно Петька в такое позднее время, чтобы не тревожить мать, спускался из своего окна по веревке с узлами. Я ждал его внизу. Пошли будить Сережку — подергали за шнурок, который он привязал к ноге. Минуты через три он осторожно смотал шпагат, продернутый с улицы в форточку и присоединился к нам. За пазухой у него что-то шевелилось и приглушенно пищало. Это Сережка захватил с собой бродячего черного кота, известного всем жителям Грачей. Обитал он неизвестно где, питался в основном мышами и воробьями, охотясь на них круглые сутки. За черную масть и привычку шляться ночами по улицам коту дали кличку Леший.

— Пошли, — скомандовал Сережка. — Палку взяли?

— Взяли.

Мы бесшумно двинулись по улице в направлении станции. Но как ни старались идти незаметно, нас все же заметили: по всему поселку залаяли собаки. Их было — мы это точно знали — двадцать. И все двадцать псов провожали нас разноголосым лаем. Время было трудное, хозяева кормили хвостатых сторожей плохо, и они таякали не то чтобы злобно, а как-то жалобно.

Несколько кошек тарачили на нас круглые глазащи с заборов, помахивая хвостами. Их силуэты смутно выделялись на фоне серого неба. У кошек были острые и тощие хребты и длинные, загнутые кверху, как толстая проволока, хвосты.

Идти ночью задворками и перелеском было страшновато. Накапывал дождик. Петька шел впереди, нащупывая палкой тропинку. За ним — Сережка с Лешим за пазухой. Кот молчал и только возился и царапался, сиюсь вырваться на свободу, и Сережка вынужден был время от времени отпускать ему шлепки через пиджак.

Я шел позади, и мне все казалось, что кто-то крадется за мной по пятам и вот-вот схватит за шиворот.

До вагона, однако, добрались без приключений. Мы с Сережкой пошли под окно, а Петька проверил, дома ли хозяин.

— Замка нет — значит, дома, — шепнул он, присоединившись к нам.

— Давай начинай, — шепотом сказал ему Сережка. — Чуть что — удирать в разные стороны. Сбор у водокачки.

Петька бесшумно подкрался к окошку и стал водить по стеклу концом палки, шипя при этом, будто какая-нибудь ядовитая змея. Когда он умолкал, действовали мы с Сережкой. Я держал кота за лапы, чтобы не вырвался, а Сережка жал ему на хвост. Леший испускал на весь кустарник душевраздирающие вопли. Он здорово-таки исцарапал нам руки.

Мы притаились и стали ждать, что будет. Вагон безмолвствовал. Никакого впечатления.

— Хватит. Пошли, — шепнул Сережка, и мы бесшумно удалились.

— Завтра снова попугаем, — бодро произнес Петька, когда мы отошли далеко. — Вот увидите, все равно его выживем.

Мимо станции с грохотом пронесся поезд. Из труб двух паровозов крошечными мотыльками сыпались искры. Мы остановились, прислушались: поезд был грузовой.

— Без остановки шпарит. Особой срочности, — тоном знатока заметил Петька. — Военный, наверное...

В поселке мы выпустили Лешего, дав ему в награду кусок вяленой рыбы. Все-таки нам было жалко кота потому, что мы так бессовестно жали ему на хвост. Петька погладил его, приговаривая:

— Лешенька, миленький! Не сердись на нас...

Леший схватил рыбу и порскнул в чью-то подворотню.

Наутро, придя к вагону, мы долго наблюдали из-за кустов. На двери висел замок, и непрошенный жилец не появлялся. Нам надоело сидеть в засаде и мы ушли.

А ночью опять явились сюда. На этот раз хозяин, видимо, не спал: в щель пробивался маленький лучик света. Оконце было занавешено и высмотреть, что делается внутри, нам не удалось. Мы расположились в разных местах вокруг вагона и стали по очереди выть по-волчьи:

— У-у-у-у, — вопил Сережка.

— У-у-у-у, — вторил я.

— У-у-у-у, — кричал Петька.

Мы вышли старательно и вдохновенно до тех пор, пока дверь вагона не распахнулась и в проеме не встал растрепанный косматый человек, озаренный сзади красноватым светом керосиновой лампы. В руках у него виднелось охотничье ружье. Человек поднял ружье и гаркнул во тьму:

— Счас ка-а-к вдарю с двух стволов — еще не так вззоете!

На секунду мы остолбенели от ужаса, а потом в панике бросились бежать, не разбирая пути, ломая кусты и в кровь раздирая босые ноги. Сережка, бежавший впереди, вдруг споткнулся и полетел на землю, за Сережку запнулся Петька и тоже упал. Я с размаху наткнулся на друзей и оказался сверху. И тут из-под Сережки метнулось в сторону что-то черное и отчаянно кричащее. Это черное скрылось в кустах. Мы поторопились встать на ноги и опомнились только в поселке, у нашего дома.

— Называется, попутали, — переведа дух, сказал Петька.

— А что это там пищало, когда мы упали?

Сережка ответил:

— Да это Леший подвернулся. Он же ночами все бродит...

Тут нам стало смешно, и страх понемногу рассеялся.

— А знаете, все это чепуха, — вздохнул Сережка. — Глупо! Хватит, пошли спать.

На востоке начинала алеть заря. Окно в Петькиной квартире приотворилось, и вдова Цыганова сказала сонным голосом:

— Не спится вам, чертенята! Вот спущу с тебя, Петька, штаны, да высеку березовой вицей! А ну, марш домой!

Глава девятая

КАК ЛОВЯТ ХАРИУСОВ

Хариус — рыба благородная. Водится она на быстрине, в чистой, прозрачной воде с каменистым дном, и, как всякая благородная рыба, необыкновенно вкусна. Если зажарить свежих хариусов в сметане — пальчики оближешь. Из них можно варить и уху, лучше без картошки, потому что с картошкой рыба теряет вкус. Немножко лучку — и все. Хорошо добавить мелко изрезанной морковки, укропа, перца.

Но поймать хариуса трудно: это рыба осторожная, чуткая и плохо берет на червяка. Ей подавай кузнечиков, мушек, мотыльков.

Мы решили во что бы то ни стало наловить хариусов. А то приносим домой все «серую» рыбешку — пескариков, окунишек величиной с палец, маленьких, плюгавеньких ершей, плотичек.

Большой специалист по ловле хариусов Василий, но ему рыбачить некогда, и он посоветовал нам:

— Хариусов у нас в деревне ловят на медвежью шерсть. Вот бы вам ее достать!

— Как это — на медвежью шерсть? — удивились мы.

— Очень просто: медвежья шерсть жирная, долго держится на воде, не тонет, — объяснил Василий. — Если маленький пучок ее привязать к крючку — будет похоже на мотылька. Ловить надо по верху, нахлыстом.

— А где ее взять, медвежью шерсть? — спросил Петька. — Не убивать же нам из-за клочка шерсти медведя! Да и ружья у нас нет.

— Охота на медведей — дело шибко опасное! — заметил Сережка.

— Я вам дал совет, а где раздобыть шерсть — это уж ваша забота, — улыбнулся Василий.

— Стоп, ребята! — Сережка поднял руку. — Я знаю, где можно раздобыть медвежью шерсть.

— Где?

— Идем в поселок. Там есть музей.

— Музей?.. Конечно, есть. И что из этого?

— Видели, там стоит у входа медведь с оловянной тарелкой? Вот его и надо пощипать. Нужна ведь самая малость!

— И правда, — согласился Петька. — Только там написано: «Экспонаты руками не трогать!»

— На медведе не написано. Это я хорошо помню.

— Идем, посмотрим!

Музей размещался в старинной каменной церкви. Когда мы туда пришли, народу там оказалось немного — три или четыре посетителя бродили по пустым холодным залам и глядели на всякие древности. У входа в залы, в прихожей, стоял письменный стол, за ним сидел заведующий — маленький тощий старичок с редкой бородкой. На носу у него — круглые золоченые очки. Это — Леонтьич, единственный работник музея, если не считать уборщицы.

По другую сторону, напротив Леонтыча, стояло чучело большого бурого медведя с разинутой пастью, с соловянной тарелкой в вытянутых лапах.

Леонтыч обернулся, близоруко посмотрел на нас и взялся за книжечку с билетами. Билет стоил недорого, но денег у нас не было. Видя, как мы безуспешно шарим по карманам, Леонтыч усмехнулся в бороду и махнул рукой:

— Ладно, школьникам можно смотреть бесплатно. Только руками ничего не трогайте.

— Спасибо, Борис Леонтьевич, — сказали мы и стали разглядывать чучело.

— Какой славный, симпатичный Мишка! — принялся хвалить Сережка.

— Очень хорошее чучело, — поддержал его Петяка.

— Это из породы бурых медведей, — глубокомысленно заметил Сережка. — Они водятся в лесах...

— И едят малину и овес.

— А еще лазят за медом в дупла...

На чучеле и в самом деле запретной таблички не было. Можно было протянуть руку и вырвать клочок шерсти. Но Леонтыч сидел рядом и искоса следил за нами.

— Борис Леонтьевич, — обратился к заведующему Сережка. — Скажите, пожалуйста, зачем у этого

медведя тарелка? Деньги собирать?

— Нет, — Леонтыч поднялся из-за стола. — Визитные карточки.

— Как это так?

— Очень просто. Это чучело бурого медведя раньше стояло в прихожей коннозаводчика Сарычева...

Мы нарочно разделились на две группы. Петька стал за спиной Леонтьича, но удобного момента, чтобы вырвать шерсть, никак не выдавалось, Леонтьич продолжал:

— Ну и вот, к Сарычеву часто наезжали гости, приходили разные деловые люди. И так как Сарычев был большой оригинал, то он распорядился, чтобы все посетители клали свои визитные карточки на тарелку, которая была в руках... то есть в лапах медведя. А потом лакей брал с тарелки визитные карточки и относил их хозяину. Понятно, молодые люди?

— Понятно!

Леонтьич хотел было опять сесть за свой стол, но Сережка тронул его за рукав:

— Борис Леонтьевич! Мы хотим посмотреть старинное оружие и послушать... послушать о польско-литовском нашестве.

— Ну что ж, идемте в отдел семнадцатого века, — пригласил Леонтьич и запер ящики стола на ключ, а потом повел нас к витрине, где под стеклом было разложено старинное оружие — сабли, мечи, пистолеты, алебарды. Там он стал читать нам целую лекцию:

— В семнадцатом веке, когда польско-литовские войска вторглись на территорию Руси и подошли к Москве, для нашего государства создалась крайне опасная, критическая обстановка...

Он говорил про семибоярщину, про нападение шведов на Новгород, про Минина и Пожарского, а Петька тем временем незаметно отстал и вернулся к чучелу.

Вскоре он снова присоединился к нам. Теперь мы уже без интереса слушали словоохотливого Леонтьича и, задав ему из вежливости несколько вопросов, поспешили уйти.

— Ну, вырвал? — спросили мы у Петьки на улице.

— Там вырывать нечего. Шерсть сама лезет. Этому чучелу сто лет в обед.

— Покажи!

Петька разжал кулак, и мы увидели маленький клочок шерсти.

— На три удочки хватит, — сказал Сережка. — И немного еще останется. А ты в каком месте вырвал?

— На самом заду. Там шерсть погуще, и незаметно, что вырвано.

— Ладно. Пойдем.

Остаток дня мы возились с удочками, плели лесы из конского волоса и привязывали к крючкам шерсть, а под вечер отправились на реку.

Я забрел в воду по колено, на самую быстрину, и пустил лесу по течению. Клочок шерсти шел по верху и впрямь был похож на мотылька или муху. Пропустил лесу раз, другой, третий, но хариусы не брали.

«Видно, еще рано, — подумал я. — Надо подождать, когда солнце опустится к самому горизонту».

Выше меня по течению стоял Петька, а ниже — Сережка. У них тоже крючки оставались нетронутыми. Мы взмахивали тонкими, гибкими удилищами. Вскоре это нам наскучило, и мы выбрались на берег.

— Попробуем перед зарей, — сказал Петька, — когда рыба будет ужинать перед тем, как лечь спать.

Сережка, развернув закатанную штанину, отжимал из нее воду.

— Интересно! Как они ложатся спать? — спросил он. — На перины с пуховыми подушками, да?

— Ну да, подушки, — махнул рукой Петька. — Они идут на глубину и спят, стоя против течения. Только хвостиками помахивают.

— Спят и помахивают? Интересно! А ты видел?

— Конечно, видел.

— Как же ты видел на глубине-то?

Через мост снова загрохотал поезд. Часовой вышел из будки и неподвижно замер возле нее. На солнце поблескивал штык винтовки.

— Хорошо, что Графа нет, — заметил Петька. — Как он прозевал нашу рыбалку?

— Еще придет! — отозвался Сережка. — Надоест бегать с мелюзгой и примчится сюда. Вот увидите!

Солнце медленно, словно бы неохотно тянулось к верхушкам елей, опускаясь все ниже. Редкие перистые облака на западе занялись пламенем.

— Пора! — Сережка встал.

Мы снова забрели в воду. Ветра не было, и река была спокойна. Только возле камней кипели буруны. Над водой роились всякие мошки, крохотные мотыльки — «липки». Когда они опускались к самой воде, раздавался всплеск: играла рыбка, на лету ловила насекомых. Вот, кажется, заиграли и хариусы. Всплески были осторожны, точнее не всплески, а

вьюнки, воронки. Я, еле удерживая равновесие, закинул лесу подальше, затаил дыхание. Возле крючка с шерстью вода крутанулась воронкой, и рука ощутила упругий рывок. Я подсек, потянул удилище на себя. Серебристое тело хариуса тяжело моталось на лесе. Я выбросил его на берег и поспешно вышел из воды, стараясь меньше шуметь. Хариус сорвался с крючка и затанцевал к воде, я еле успел его схватить. Положил в ведро. Но когда снова забрел в воду и закинул удочку, крючок утонул. Я поправил насадку, закинул снова — повторилась та же история.

— Тонет, — негромко сказал я Петьке.

— И у меня тонет, — отозвался он полусшепотом.

— У меня тоже, — пожал плечами Сережка.

Оба они вытащили по рыбине. Дальше ловить было бесполезно, и мы вышли на берег.

— Надо сменить шерсть. Доставай, Петька, запасную.

Мы разделили остаток шерсти поровну и сменили «мотыльков». Я поймал двух, Петька трех, Сережка одного хариуса, и крючки снова погрузились в воду. Пробовали подсушить шерсть, но напрасно.

— Старая шерсть. Жиру в ней нет, — объяснил Сережка.

— Мало я надергал, — пожалел Петька.

— Пошли домой. Уже поздно. — Сережка стал сматывать удочку.

Дома нас встретил Граф. Он заглянул в ведерки и сказал:

— К-ко-кошке на уху...

— Сам ты кококошка! — обозлился Сережка. — Ты и того не наловил. А мы сложимся — будет хорошая уха.

— З-зато я другое делал!

— Что делал?

— Я узнал, кто такой квартирант.

— Ну, кто?

— Шпион! — убежденно ответил Граф.

— Шпион? — Петька раскрыл рот, брови его поползли вверх.

— Ну да, шпион. Я целый д-день следил за ним.

— Следил? Ну и что?

— Он в-весь зарос бородой. Глазищи — во! Как ш-шары...
Страх берет!

— И что же он делал? — допытывались мы.

— А вышел, умылся под березой и опять в вагон. Все оглядывается, будто что украл. Из вагона выглянет, покрутит

носом и опять скроется. А я тихонько подкрался к окошку и стал слушать. Он там все чего-то копошится... верно что-нибудь готовит, чтобы навредить...

— Чепуху мелешь, Граф! — сказал Сережка. — Какой он шпион? Тебе просто померещилось.

— Ну да, померещилось! А чего он боится? Все оглядывается, да за дверь прячется. И сам страшный. Глаза — как шары!

— Ну, то, что глаза, как шары, еще ничего не значит. У тебя тоже как шары, да ведь ты, наверное, не шпион?

— Я с-с-свой человек. А он — чужой, — убежденно сказал Юрка.

Больше от него добиться ничего не удалось. Юрка ушел домой, а мы сели и стали думать над тем, что он сказал.

— Врет все Граф, — сказал Сережка.

— А, может, не врёт? — засомневался Петька. — Может, и в самом деле это человек недобрый? Иначе чего бы ему прятаться там, на пустыре, на отшибе. Живет себе втихомолку, а сам следит за поездами, да считает, сколько за день проходит военных составов, да чем они нагружены... А то еще, чего доброго, собирается взорвать мост. Всякое может быть. Время военное...

Сережка долго молчал, потом предложил:

— Давайте последуем за ним. Надо узнать, что он за человек, чем занимается. Только осторожно — у него ружье есть. Двустволка.

В тот вечер Сережкина мать наварила нам ухи из хариусов. Она получилась отличная, вкусная. Граф за столом поторопился, хлебнул горячего и снова обжег губу, но не очень.

Глава десятая

ШИТО-КРЫТО

Юрка все же заронил в наши головы искру подозрительности, и мы подумали: «А что, если и в самом деле человек, поселившийся в вагоне на пустыре, имеет дурные намерения?» Поэтому мы решили все разузнать про него.

Но человек этот был очень скрытен, и разузнать что-либо оказалось почти невозможно. Он все сидел в вагоне и на улице показывался очень редко. Наружность его не внушала доверия: лицо неприятное, бородатое; длинные и, видимо, очень

сильные руки, словно клешни у краба; глаза большие, пронзительные. Одевался он обыкновенно: серые штаны из простой материи, старые порыжелые сапоги со стоптанными каблуками, кургузый пиджак с латками на локтях.

Рано утром он вылезал из вагона, умывался под березой и все, как нам казалось, беспокойно оглядывался. А потом уходил куда-то в сторону от станции.

— Видать, путевой рабочий, наверное, обходчик, — заметил Сережка, когда мы наблюдали за незнакомцем из-за кустов.

— Ничего подобного! — возразил Петька. — Он не берет с собой никаких инструментов. Обходчики всегда носят молот, гаечные ключи, запасные костыли. Скорее всего, он нигде не работает. Вчера я видел его на насыпи. Он сидел там возле куста и считал вагоны. Как раз шел воинский состав.

— Так уж и считал! — засомневались мы.

— Я заметил — губами шевелил...

— Ну, а если сосчитает, так куда передает сведения? — недоверчиво покосился на Петьку Сережка.

— А прямо по радио в Германию.

— Откуда у него радио?

— Радиостанцию он получил от фашистов, через их агентов. Работает на ней по ночам. — Петька говорил так, как будто в этом был совершенно уверен.

— Если бы работал ночами, было бы слышно. Мы сколько раз вечерами подслушивали — в вагоне тихо, ни звука.

Петька озабоченно пожал плечами и умолк. Видимо, он тоже стал сомневаться в своих предположениях. Стоять в кустах надоело, мы тихонько выбрались на тропинку и пошли в поселок. Петька ухватился за новую мысль:

— А еще он каждый день покупает на вокзале в киоске газеты. Знаете для чего? Для того, чтобы брать из них разные сведения. Например, каков нынче в колхозах урожай, много ли будет хлеба...

— Все ведь покупают, не он один! — сказал Сережка. — По-твоему выходит, что каждый, кто читает газеты, шпион?

— Зачем каждый? Я же не говорю про других. Эх, ребята, ну не лежит у меня душа к этому человеку, хоть убей! Честное слово, подозрительный тип.

Мы с Сережкой ничего не могли ему возразить. Может, он ошибается, а может, и нет...

Мы все-таки решили проследить, куда ходит незнакомец

по утрам. Явились часов в семь к вагону, дождались, когда он выйдет, и незаметно пошли за ним. Он быстро шагал по тропинке, припадая на одну ногу. Тропинка тянулась перелеском вдоль железной дороги.

— Я знаю, эта тропинка ведет к пилораме. Там, — Сережка показал рукой вперед, — есть навес, под которым установлена такая круглая, как диск, пила...

— Циркульная, — пояснил Петька.

— Во, во! Циркульная. На ней распиливают бревна.

И в самом деле, примерно через четверть часа ходьбы незнакомец вывел нас на поляну, где был старенький навес с циркульной пилой. Возле нее стояли четыре женщины. Они, видимо, дожидались незнакомца. Он поздоровался с женщинами и пошел в дощатую будку. Через несколько минут в будке затарахтел двигатель, и незнакомец вышел из нее, вытирая тряпкой замасленные руки. Потом включил рубильник, укрепленный на мраморной дощечке на столбе с проводами, и пила стала крутиться. Ее круглый сверкающий диск завертелся быстро-быстро. Женщины взялись за работу. Пила задела, вгрызаясь в дерево. Полетели роем опилки.

— Все ясно, — сказал Сережка, когда мы повернули обратно. — Он работает мотористом. Самый обыкновенный человек. И нечего думать, что он — шпион.

Но Петька посмотрел на него презрительно:

— Эх ты, простота! Все шпионы состоят где-либо на службе, чтобы не вызывать подозрений. Он очень свободно мог пролезть в рабочие, обмануть начальство. Я-то знаю, я много читал книжек про шпионов!

Мы снова и снова приходили на пустырь и сидели у стен вагона чуть ли не до полуночи. Все хотели услышать, как работает радиостанция. Но незнакомец не подавал никаких признаков жизни. Что он там делал? Ведь жить на таком пустыре, все время сидя в своей берлоге, — с тоски умрешь!

Непонятная фигура. Мы называли незнакомца Шито-крыто. Хотели было рассказать о наших подозрениях Василию, но раздумали: сначала надо разузнать все хорошенько.

* * *

Однажды мы ходили на Матвееву вырубку за черникой, вчетвером с Графом. Бродили по лесу целый день, наелись ягод так, что рты у нас стали черными и в животах ощущалась тяжесть. Набрали ягод и в корзинки. А потом увидели,

что солнце уже клонится к закату, пора домой. Стали искать дорогу, по которой пришли, но дороги, в какую бы сторону мы ни совались, не было. Остановились на полянке, стали советоваться. Сережка сказал:

— Надо идти на юг. Солнце заходит на западе, стало быть юг вон там — он показал рукой на молоденький березняк.

— А почему на юг? — спросил Петька. — Может, на восток?

— Зачем на восток? Надо на юг. Пойдите-ка! Слышите, паровоз гудит! Там путь, там и наша станция. Надо на юг. Айда скорее, пока солнце не зашло. А то в лесу придется ночевать!

Мы послушались Сережку и пошли на юг. Шли так быстро, что Граф еле поспевал за нами. Он споткнулся о пенек, упал и рассыпал ягоды. Но не заревел, а только крикнул:

— Э-э-эй, подождите!

Мы вернулись к нему, помогли собрать ягоды, и Сережка взял братишку за руку:

— Будешь запинаться — оставим тебя тут!

— Не оставите! Мамка тебя вздует, если оставите, — спокойно сказал Юрка.

— Да иди же скорее! Вон солнце уж совсем заходит! — поторапливал Сережка.

— Я же иду, — крикнул Граф. — И ты не дергай меня за руку. Чего ты все время дергаешь меня? П-п-пусти!

Но Сережка не выпускал Юркину руку и тащил его за собой так быстро, что голова у Юрки моталась из стороны в сторону.

Неожиданно мы вышли прямо на железнодорожное полотно. Перед нами в косых лучах солнца золотилась железная крыша водокачки на станции.

— Вот видите! — торжествующе воскликнул Сережка. — Я же говорил — надо идти на юг.

Проходя мимо пустыря, где стоял вагон, мы невольно замедлили шаги — так и подмывало подойти, посмотреть, что делает Шито-крыто. Но все очень устали и переглядывались, как бы спрашивая друг у друга — пойдём к вагону или нет?...

Петька сказал:

— Я не шибко устал. Пойду посмотрю, что там делается. Все равно почти по пути. Идем со мной, Колька.

— Идем, — согласился я.

— А ты, Сережка, води Графа домой. Уже поздно, — Петька надел дужку корзинки на руку.

— Ладно. Мы пойдем домой. Вы ведь там недолго?

— Недолго. Пройдем мимо, посмотрим и тоже домой.

Вот и вагон. Мы подошли к нему со стороны двери и притаились в кустах. Вскоре дверь отворилась, и Шито-крыто осторожно спустился по лесенке, заперев замок. Мы переглянулись, куда же собрался этот домосед?

Перед тем, как выйти на тропинку, ведущую к поселку, Шито-крыто оглянулся, словно бы проверяя, все ли в порядке, поглубже натянул кепку на голову и зашагал по тропе мимо нас.

Петька жарко шепнул мне в ухо:

— Айда за ним. Только незаметно.

Немного выждав, мы пошли по тропе следом за Шито-крыто. Каблуки его сапог отчетливо стучали по сухой земле — один сильнее, другой мягче, потому что Шито-крыто хромал. Мы крались босиком и поэтому он не мог нас услышать. Он очень торопился и широко размахивал руками, припадая на левую ногу. Миновав перелесок, он пошел не по дороге, а направился задами, мимо огородов в поселок Грачи.

Спускались сумерки. В своей мешковатой одежде Шито-крыто напоминал огородное пугало. Прячась возле изгородей, заборов и деревьев, росших на усадьбах грачевцев, мы не отставали от него.

Он прошел в дальний конец поселка, к одиноко стоявшему маленькому и низкому дому с палисадником, обнесенным штакетником. К крылечку вела вымощенная каменными плитами дорожка, Шито-крыто поднялся на крылечко. Дверь в сени была закрыта, но он не стал стучать в нее, а, оглянувшись и убедившись в том, что никого поблизости нет, двз раз осторожно стукнул в окошко.

Форточка отворилась, и в нее высунулась чья-то рука. Шито-крыто что-то достал из кармана и положил в эту руку. Рука в форточке скрылась и через минуту высунулась опять, держа небольшой сверток. Шито-крыто схватил этот сверток, спрятал его под полу пиджака и, не сказав ни слова, повернул обратно.

Он спустился с крыльца и пошел вдоль палисадника, шаркая по плитняку. Мы стояли за углом дома, и сердца наши

ушаченно бились: «Только бы не обернулся! Только бы не оглянулся».

Шито-крыто не оглянулся и зашагал обратно еще быстрее, придерживая рукой сверток под пиджаком. Мы облегченно вздохнули, и когда Шито-крыто скрылся из виду, повернули в другую сторону — к дому.

— Видал? — возбужденно прошептал Петька. — Он приходил на явку. Тут у него явочная квартира!

— А что это такое? — спросил я.

— А то, что в этом доме живет другой человек, тоже шпион. Они обмениваются сведениями. Видел, как Шито-крыто передал ему записку?

— Видел...

— А тот передал ему в обмен какую-то вещь.

— А какую?

— Кто его знает... — Петька почесал лоб. — Может быть, оружие или динамит...

Стало совсем темно. В поселке было пустынно. Даже собаки не лаяли. Начал накрапывать мелкий дождик, и мы, стараясь не рассыпать ягоды, побежали к дому. Вот и наш дом. Петька, поднявшись на крыльцо, сказал вполголоса:

— Наверняка динамит. Может быть, он собирается взорвать мост!

— Но ведь мост охраняется. К нему не подобрешься!

— А он по берегу и не пойдет. Возьмет в рот тростинку, нырнет под воду и поплывет так, что его не заметят.

— Но он тогда может замочить динамит!

— Динамит у них бывает в непромокаемой обертке. Подберется к опоре моста, прикрепит заряд с часовым механизмом и незаметно скроется.

— А как он прикрепит заряд? Опора ведь гладкая, цементная и большая!

— На это у них есть тысячи способов, — убежденно говорил Петька. — Видишь, какой он! Все тихонько, украдкой! Но все равно мы его разоблачим. Нюхом чую — не наш человек!

— Как разоблачим?

Петька глубокомысленно наморщил лоб и, ничего не ответив, стал подниматься по лестнице наверх. Видно, он и сам еще не представлял, как можно разоблачить Шито-крыто.

* * *

В воскресный день вся семья Ванеевых ушла в лес косить

сено для козы. Мы остались вдвоем с Петькой. Поиграли в «чижика», сбегали на Торгус, выкупались и пришли на станцию. На перроне, залитом щедрым солнечным светом, было пусто. Утренний поезд увез всех пассажиров. На базаре, под навесом две торговки, разомлев от жары, пили квас из берестяного туюска. Немудреный товаришко их — горка семечек, лукошко с самосадам, репчатый лук брать было некому, и женщины смотрели в сторону семафора и зевали, ожидая очередной поезд.

— Ну и товар, — презрительно сплюнул сквозь зубы Петька.

Мы прошлись вдоль прилавка. Одна из торговек сказала:

— Берите, ребята, семечки. Два рубля стакан... дешево!

— А хорошие семечки? — осведомился Петька, хотя в кармане у него не было ни копейки.

— Хорошие!

— Можно попробовать?

— Попробуй... — тетка опять посмотрела в сторону семафора, подтянув под подбородком концы платка. Они у нее торчали, как кроличьи уши, только не вверх, а вниз. Петька воспользовался тем, что она отвернулась, и взял горсть семечек. Другая тетка сказала:

— Разве столько берут для пробы? Положи обратно!

— Надо хорошенько распробовать, — ответил Петька, — может, я все куплю!

— Слышишь, Дарья, он у тебя все семечки возьмет — оптом! — торговка расхохоталась, недоверчиво щурясь на Петьку, а тот щелкал семечки и морщился:

— Плохой товар! Сколько пустых! Одна шелуха. Нельзя обманывать покупателей! Попробуй и ты, Колька.

Я потянулся было за «пробой», но торговка обняла горку семечек обеими руками:

— Хватит вам! Убирайтесь!

Торговки опять засмеялись.

Неожиданно Петька толкнул меня локтем:

— Смотри!

В дальнем конце перрона показался Шито-крыто. Он шел неторопливо, прихрамывая и поглядывал по сторонам, будто прогуливаясь. Приблизившись к скамейке, что стояла у цветочной клумбы, сел, вынул из кармана газету и стал читать.

Из здания вокзала появился дежурный и, небрежно надвинув на лоб козырек фуражки, подошел к краю перрона. Мы

знали — раз вышел дежурный, то сейчас подойдет поезд. Немного погодя на перроне появился еще человек — усатый комендант, и мы догадались, что ждут военный эшелон.

Минут через пять к станции на всех парах подкатил тяжело нагруженный состав. На платформах под брезентом угадывались стволы орудий. Двери теплушек распахнулись, и перрон зазеленел гимнастерками. Как всегда, бойцы побежали к кипяtilьнику, и возле него образовалась очередь. Торговки уже не сучали — махорка и семечки шли нарасхват.

Шито-крыто поднялся со скамьи, сунул газету в карман пиджака и затерялся в толпе бойцов. Мы не сразу отыскивали его. Он прошел вдоль эшелона, бросая косые взгляды на вагоны и платформы. Петька шепнул:

— Ишь, все глазами зыркает!

Дойдя до паровоза, Шито-крыто повернул обратно и, приблизившись к группе бойцов, оживленно о чем-то беседующих, остановился с равнодушным, скучающим видом. Однако было заметно, что он наострил ухо.

— Гляди, подслушивает! — подмигнул мне Петька.

Тут на перроне появился Бежевый. Шито-крыто заковылял прочь и вскоре исчез за углом вокзального здания.

Пока мы следили за ним, платформа опустела, все забрались в теплушки. В одной затянули песню:

Ой на гори, та й ще при берези
Червона калина...

Бойцы пели по-украински, с чувством, стройно. Им подыгрывал баян. Мы подошли ближе, послушать. Но паровоз коротко гукнул и не без усилия тронул с места грузный состав. Поезд ушел и песню увез. А как нам хотелось дослушать ее до конца!

Когда мы пошли домой, Петька опять вспомнил про Шито-крыто:

— Зачем он приходил к воинскому поезду?

— Может, просто так, поглазеть, как и мы, — сказал я.

— Ну да! — Петька снисходительно усмехнулся. — А ты заметил, как он возле платформы пошел медленнее?

— Да вроде бы...

— Не вроде бы, а точно! А почему? Орудия считал. И вагоны с бойцами тоже считал. Вагоны маленькие, не пульманы. В каждом помещается сорок бойцов...

— Ну, если Шито-крыто чужой человек да еще шпион, — сказал я, — так почему Бежевый его не арестует? А куда смотрит военный комендант?

— Они ничего не подозревают. Они не знают того, что знаем мы!

— Тогда надо обо всем сказать Бежевому.

— Раню. Доказательств у нас мало. Надо обязательно узнать, зачем и к кому он ходит на явку, понимаешь?

— А как это узнать?

Петька, не ответив, пожал плечами.

Глава одиннадцатая

НАЛЕТ

Третьего августа — я хорошо помню тот день — мы пошли на рыбалку к Ивушкиной отмели с ночевкой. Взяв удочки, донки, наживку, мы с вечера облюбовали местечко у омута, наживили донки и закинули их подальше, а сами начали ловить с берега на удочки.

Ночи стали прохладные, и мы оделись потеплее: я в старый отцовский пиджак, Петька и Сережка в ватники. Сережка подпоясался широким брезентовым солдатским ремнем. Под ватником у него была прицеплена на поясе финка Василия. К ней он привязал темляк.

— Гляньте-ка, — сказал он нам, показывая финку. — У нас есть оружие! Василий дал мне нож на ночь. Только сказал, чтобы я с ним обращался осторожно. Даже сказал точную поговорку...

— Какую? — спросил Петька, поплевав на червяка и закинув удочку.

— «Без нужды не вынимай — вынув, доблестно сражайся!» — Вот какую.

— Хорошая поговорка!

Мы стояли под ивами у самой воды и молча глядели на поплавки, тихо плывущие по течению. Вода от вечерней зари розово светилась, казалась теплой.

Поплавок уплывал все дальше и дальше, я подходил к самой воде, тянулся с удочкой, чтобы леса шла свободнее, а потом перекидывал ее снова. Засветло мы поймали по нескольку плотиц, а когда зорька кончилась, можно было рассчитывать только на ершей: они клюют всю ночь.

Я закинул удочку и присел, чтобы лучше видеть поплавок на потемневшей воде. Внезапно он резко пошел в сторону и исчез. Я подсек, леса упруго натянулась и стала резать воду, как ножом. Я тянул удочку на себя — рыба на себя. Крупная, сильная, она здорово сопротивлялась. Глина у меня под ногами расползлась и, потеряв опору, я сел на кочку. Удилище шлепнулось в воду...

— Хватай скорее! — шипел Петька.

До удилища уже было не дотянуться. Сережка посоветовал:

— Скинь штаны — и в воду!

Снимать штаны было некогда и я во всей одежде бросился спасать удочку. К счастью, она плыла вдоль берега, близко, и, поймав удилище, я выбрался из воды. Рука опять почувствовала сильный рывок, значит, рыба не сорвалась с крючка. Она то поднималась на поверхность и била хвостом, то уходила вглубь, норовя затащить лесу под берег, в коряги.

— Сачок! — сказал я Петьке. — Скорее подводи сачок!

Рыбина, наглотавшись воздуха, присмирела, и мы вытащили ее. Это был большой окунь, весом, наверное, с килограмм, а то и больше.

— Вот здорово! Везет же тебе! — сказали ребята.

Я был рад. Однако в мокрой одежонке было очень холодно, у меня стучали зубы. Ребята посоветовали сбегать домой и переодеться: времени до утра еще оставалось много.

Совсем стемнело, нельзя уже было различить поплавки. Петька и Сережка наломали веток и устроились на них подремать, а я схватил ведро с рыбой и побежал в поселок.

Через полчаса, переодевшись в сухое и оставив вечерний улов дома, я возвращался обратно. Вдалеке через мост прогрохотал товарный поезд. Из трубы паровоза вылетали и гасли огненные мухи — то роями, то одинокими светящимися точками. Поезд втягивался в темноту, все удаляясь. Грохот колес стихал, искры исчезли. Я думал о том, что вот опять эшелон мчится на Запад — туда, где советские бойцы бьются с фашистами и, наверное, очень ждут этот поезд, который только что прошел через мост...

Не доходя до нашего места, на берегу, за невысоким кустом я заметил темную фигуру у самой воды, а перед ней две удочки на рогульках. Рыболов, казалось, дремал, свесив голову на грудь. Кто он такой? — разглядеть в темноте не удалось. «Кто-нибудь из наших поселковых», — подумал я.

Ребята уснули, прижавшись друг к другу на куче веток. Я подсел к ним.

Пришло время проверять донки. На них попали ерши. Осмотрев снасти, мы опять закинули их в воду. Петька вытер руки о полы ватника и вдруг воскликнул:

— Глядите, огонь!

Мы обернулись. Слева из-за кустов вырывались небольшие, но яркие языки пламени. Еще не совсем рассвело, и огонь был хорошо заметен.

— Кто развел костер? — возмутился Сережка.

— Там сидел рыболов, — ответил я. — Наверное, он.

— Идем, скажем, чтобы погасил.

Мы побежали на огонь и крикнули из-за кустов рыбаку:

— Эй! Гаси костер!

— Тут нельзя разводить огонь!

Человек сидел перед небольшим костерком и грел руки. Он обернулся к нам, и мы узнали Шито-крыто.

— Нельзя? А почему? — недовольно, хриплым басом спросил Шито-крыто. Язык у него немного заплетался. В бороде играли отблески пламени, глаза смотрели из-под густых бровей колюче, настороженно.

— Запретная зона рядом. Вот заметит часовой — и вам попадет!

Шито-крыто тяжело поднялся с чурбака, на котором сидел, ни слова не говоря, взял свое ведро, вытряхнул из него рыбу, зачерпнул воды и залил костер.

В это время высоко в небе загудел самолет. Мы подняли головы: чей это? Наш?

И тут земля дрогнула под ногами от артиллерийского залпа: по самолету стала бить зенитная батарея, которая охраняла мост. Вокруг самолета, выше и ниже его, появились белые облачка разрывов.

Мы растерянно топтались на месте и не знали, что делать — бежать домой или ждать, что будет дальше. Зенитки били часто и гулко. Стоял неимоверный грохот. К ударам орудий прибавилось два тяжелых взрыва где-то в стороне от моста. Самолет, видимо, сбросил бомбы, но мимо цели.

— Эх, уйдет! — вырвалось у Петьки.

Но в это время самолет как-то странно качнулся и пошел вниз все быстрее, все отвеснее. И позади него появился сначала чуть заметный, а потом густой дымный хвост.

— Подбили! — обрадовались мы.

Самолет врезался в землю где-то далеко, в стороне Воронина болота. Над лесом таяло облако дыма. Оттуда донесся, словно удар грома, далекий взрыв.

И тут мы вспомнили о Шито-крыто и о костре. Петька в сильном волнении закричал:

— Это он развел костер, чтобы навести самолет на цель!

— Шпион! — мы были готовы броситься на Шито-крыто. Но он исчез. Только что был тут, на берегу, и скрылся. Пока мы смотрели, как сбивают самолет, он смотал удочки и даже успел собрать свою рыбешку. Возле кострища валялась только пустая бутылка.

Глава двенадцатая

О ТОМ, ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ

— Бежим за ним! — сказал Петька.

Но из-за кустов послышалось:

— Стоять на месте!

Мы обернулись и чуть не присели от неожиданности: из кустов вымахнула огромная серая овчарка. Пасть у нее была разинута, торчали белые клыки. Шумно и часто дыша, собака вся подобралась, готовая к прыжку, но ее сдерживал на поводке молодой боец с наганом на боку. Мы попятились... Из-за спины бойца появились еще двое в военной форме с карабинами. Один из них, с сержантскими нашивками на погонах спросил:

— Кто такие?

С перепугу мы не могли выговорить ни слова. Наконец Сережка, заикаясь, ответил:

— М-м-мы р-р-рыболовы...

— Рыболовы? — сержант склонился над кострищем, потрогал рукой золу. — Костер только что залили. Это вы его развели? — обратился он к нам.

— Нет, нет! — закричали мы. — Это Шито-крыто!

— Шито-крыто? — переспросил сержант. — Что такое?

— Это шпион! — ответил Петька. — Мы его так зовем — Шито-крыто. Мы за ним давно следим.

— Шпион? Почему вы так думаете?

— Он развел костер специально, чтобы навести самолет на мост!

Сержант дал знак бойцу с собакой. Тот приспустил поводок, и собака принялась обнюхивать землю вокруг костра. Обежала кострище, посмотрела на проводника и быстро пошла в сторону станции, опустив морду к траве. Проводник, держась за повод, помчался за ней.

— Соколов! — сержант обратился к оставшемуся бойцу. Отведи двух рыбаков к командиру. Третий пойдет со мной. Кто из вас, — повернулся он к нам, — укажет мне, где живет этот ваш... Шито-крыто?

— Я! — вызвался Петька и вместе с сержантом направился в сторону станции.

— Ну что ж, рыболовы, идем к командиру. Боец, которого назвали Соколовым, пропустил нас вперед и пошел вслед за нами.

Понуриив головы, мы потопали по направлению к лесу, что был справа от моста. Мы знали, что там расположена воинская часть, но никогда не бывали там, так как лес в этом месте охранялся, и никого близко к нему не подпускали.

Увидев наши удочки на берегу, Соколов сказал:

— Ваши? Заберите с собой.

Мы взяли удочки и пошагали дальше. «Ничего себе делишки! Влипли в историю!»

Сереежа пробовал на ходу объясняться:

— Товарищ боец, отпустите нас. Мы же ни в чем не виноваты!

Соколов был молод, круглолиц, с добрыми чуть-чуть улыбающимися глазами.

— А вот придем куда надо и во всем разберемся. А покамест идите без разговоров. Правее! Теперь все прямо... — указывал он дорогу. — Шире шаг!

Мы пошли быстрее. Сердце у меня колотилось часто и тревожно, голову сверлила неотвязная мысль: «Что-то теперь будет?»

Соколов привел нас к деревянной арке с решетчатыми воротами, которые за кустами не сразу и заметишь. Ворота были открыты, и возле них стоял часовой с винтовкой. Когда мы подошли, он приставил винтовку к ноге и вопросительно посмотрел на Соколова. Тот объяснил:

— Приказано доставить этих ребят к командиру.

Часовой пропустил нас. Скоро показались строения, наполовину врытые в землю, под дерновыми крышами, видимо, землянки. Часовой ввел нас в одну из них, сказав, чтобы мы оставили рыболовные принадлежности у входа.

Войдя в землянку, мы осмотрелись. Под потолком в стене — широкое и низенькое окно. В него видны верхушки сосен, позолоченные ранним солнцем. Слева — железная койка, застланная серым суконным одеялом. На стене — шинель и полевая сумка. Посреди землянки за столом сидел лейтенант. Соколов доложил:

— Товарищ лейтенант! Доставил в ваше распоряжение ребят, задержанных в районе моста по приказанию сержанта Андреева.

Сержант Андреев и проводник Туркин с Рындой пошли по следу человека, который будто бы развел костер... Указанный нам сектор мы прочесали. Больше никого не обнаружили.

— Хорошо, Соколов, — сказал лейтенант. — Садитесь, ребята. Рассказывайте, кто вы, как оказались у моста и что там делали.

Сережка стал объяснять:

— Не у моста, товарищ командир, мы были, а за границей запретной зоны.

— Это нам виднее, где какая зона, — сухо отозвался лейтенант и нахмурился. Он, видимо, был сердит. Светлые брови насуплены, смотрит исподлобья. — Что вы делали на берегу?

— Ловили рыбу. Мы всегда там ловим и купаемся, — ответил Сережка. — Ну вот, мы ловили, а он пришел и тоже за-

кинул удочки, только он был в другом месте и не с нами, а сам по себе...

— Кто «он»? Говорите яснее!

— Шито-крыто. Работает на лесопилке под видом моториста. Это мы его так зовем — Шито-крыто. Он занял наш вагон на пустыре... Мы рассердились, стали следить за ним — хотели узнать, что это за человек...

— И что же вам удалось узнать?

— А почти ничего, товарищ командир. Он какой-то скрытный, непонятный человек. Все сидит в вагоне, когда не на работе...

— Но он ходит на вокзал к воинским эшелонам, — добавил я. — А однажды даже ходил на явку.

— На явку? — лейтенант, видимо, очень удивился и даже встал из-за стола. — Куда?

Я рассказал, как было дело, когда мы с Петькой следили за Шито-крыто. Лейтенант подробно расспросил меня о доме, куда он ходил, и что-то записал на бумаге.

— Значит, костер развел он, а не вы?

— Он! Мы бы нипочем не развели! Ведь знаем же, что нельзя по ночам разводить костры возле станции, — убеждал лейтенанта Сережка.

Сережка отвечал стоя. Лейтенант заметил кончик ножен финки, торчащий у него из-под ватника.

— Что это у тебя торчит из-под фуфайки? — спросил он.

Сережка покраснел и стал изо всех сил тянуть полу ватника, чтобы прикрыть финку, но пола не вытягивалась.

— Это разведчицкий нож — финка, — ответил Сережка. — Мне ее дал брат Василий на рыбалку. Василий служил в разведке, был тяжело ранен и сейчас живет дома. Я ему обещал сегодня вернуть финку.

— Так-так, — сказал лейтенант. — Значит, брат у тебя разведчик? На каком фронте воевал?

— На Западном, товарищ командир! — охотно ответил Сережка, радуясь, что лейтенант не отбирает у него финку. — Он награжден именным оружием — пистолетом!

— Так-так, — повторил лейтенант. — Ну вот что... Соколов! Проводи ребят в столовую, накорми завтраком и отправь домой.

— Есть! — ответил Соколов. — Накормить ребят и отправить домой.

Мы повеселели. Солнце стояло над самыми верхушками

деревьев. В лесу было тихо и празднично. Щебетали птицы, с листьев капала роса. Соколов привел нас в большую землянку — столовую, усадил за стол и что-то шепнул повару в окошко. Повар притащил нам алюминиевые миски с горячей кашей, пайки хлеба и по кружке чаю.

А потом Соколов проводил нас за ворота и сказал:

— Ну, сыпьте, ребята, домой. До свидания!

— До свидания, товарищ Соколов! Спасибо за все!

Не успели мы сделать и десяти шагов, как навстречу нам попался сержант Андреев. Он шел быстро, не глядя по сторонам. За сержантом, сутулясь, угрюмо шагал Шито-крыто, за ним — боец с овчаркой на поводке...

Глава тринадцатая

У ВОРОНИНА БОЛОТА

После того, как мы встретили Шито-крыто под конвоем, у нас уже не оставалось сомнений в том, что он шпион, враг.

Но было интересно узнать, как его взяли в то утро. Придя домой, мы сразу кинулись с расспросами к Петьке. Тот рассказал следующее:

— Я привел бойцов к вагону, и они велели мне идти домой. А я не ушел и стал следить из-за кустов. Боец с собакой остался у двери, а другой вошел в вагон, и минут через пять вывел Шито-крыто на улицу. Шито-крыто запер дверь, и они повели его. Вот и все. Теперь он никуда от них не скроется. Будут его допрашивать, и потом...

Петька недоговорил, но нам было ясно, что произойдет «потом», когда выяснится, что Шито-крыто — немецкий разведчик.

— Наш вагон тогда освободится, — сказал Сережка.

— Освободится. Но мне уже что-то неохота играть там, на пустыре, — Петька зевнул, поерошил свои волосы. — По-спать бы!

— Нет, спать нам сегодня не придется, — загадочно и многообещающе сказал Сережка. — Зайдемте к нам.

В сенях он пошарил ключ, отпер дверь, и мы вошли. Было часов девять утра. Мать и Василий ушли на работу к восьми. На столе лежала записка:

«Рыбачок! В буфете хлеб и селедка. Поешь сам и накорми Юрку».

Сережка пошел к буфету, разделил на две доли хлеб и ку-сочки селедки, одну долю старательно завернул в бумагу и сказал:

— Это на дорогу.

— Да ты куда собрался? — не выдержал Петька.

— Надо посмотреть, что осталось от немецкого самолета, — ответил Сережка. — Может, что и пригодится по хозяйству. В самолетах бывает хорошее небьющееся стекло — называется плексиглаз, и еще там могут оказаться разные любопытные штучки.

Петька даже присвистнул:

— Фь-ю-ю... Ты думаешь облазить Воронино болото? С ума сошел! Там запросто можно увязнуть — поминай как звали!

— Надо попробовать, — спокойно отозвался Сережка, так, как будто собирался в лес за грибами. — Вы идете со мной?

Мы переглянулись.

— Пойдем.

— Тогда берите завтрак и будьте готовы. Через полчаса пойдем.

— А если там немцы? Может, летчик спасся? — спросил Петька.

— Наши бойцы там спозаранку все наверняка проверили, и если летчик спасся — его изловили, — успокоил Сережка.

Дверь в комнату приотворилась, и вошел заспанный Граф. Глаза у него были узкие, словно щелки. Он зевал, как старушка, с подвыванием.

— Ну, Юрка! Горазд ты спать! — сказал Сережка.

— Есть хочется. Всю ночь не ел, — вздохнул Граф. — А вы знаете — ночью бабахало! Так бабахало, что я даже проснулся. Гром — не гром... вроде из пушек лупили... правда?

— Не знаю. Иди умойся, а то у тебя глаза слипаются.

Граф потопал к умывальнику, плеснул водой в лицо, утерся полотенцем.

— Там в чайнике кипяток. Хлеб и селедка — в буфете. Поешь.

Юрка немножко поел, а потом подошел к нам. Было видно, что его так и подмывает что-то рассказать. Сережка буркнул:

— Ну, чего? Выкладывай!

Граф многозначительно поднял маленький, измазанный то ли красками, то ли спелыми ягодами палец:

— В-военная тайна.

— Какая там еще тайна? — Сережка взял братишку легонько за вихор. — Разве могут быть тайны промеж своих? Говори!

— Нельзя говорить, — вздохнул Граф. — Сказал бы, да нельзя.

— А, так ты скрытничать! — Сережка потянул Юрку за вихор. — Ты своим самолучшим друзьям не доверяешь?

— Ай! — закричал Граф, морщась. — Перестань тянуть. Будешь тянуть за волосы — вовсе ничего не скажу.

— Что ты, Юрик, — притворно изумился Сережка. — Разве ж я тяну тебя за волосы? Как же можно меньшого братишку обижать!

— А сам тянешь! В-вот я Василию пожалуюсь.

— Миленький Графчик, — сказал Петька. — Мы тоже умеем хранить тайны не хуже тебя!

— Ладно, скажу. Вчера, к-когда вы ушли на речку, я побежал туда...

— Куда?

— Ну, к вагону. Только я тихонько, незаметно, как м-мышь... п-по кустам.

— Как мышь?

— Ну да. Сережка, не перебивай!

— Ладно, молчу.

— Н-ну вот, я тихонько побежал и притаился в кустах. Гляжу — идет Бежевый!

— Бежевый?

— Ну да! Злой такой! К в-вагону идет и кобуру на ходу расстегивает... Подошел к в-вагону — и давай стучаться в дверь. Я гляжу, что будет дальше. Бежевый ломился-ломился, и тут дверь открыл Шито-крыто. Испуганный, слова сказать не м-может...

Граф хитренько посмотрел на нас, нарочно сделал паузу.

— Не тяни! — крикнул Сережка.

— Не тяну. В-вот, они ушли в вагон, и слышу, там зашумели. Бежевый кричит, Шито-крыто кричит. Потом Шито-крыто как в-выскочит на улицу с ружьем, к-как повернется и на дверь ружье наводит. А Бежевый открыл дверь и в Шито-крыто тоже целится. Из р-револьвера! Шито-крыто к-как ба-

бахнет из ружья, из обоих дулов, а Бежевый ка-а-а-к трахнет из р-револьвера! Три раза!

Мы переглянулись. Граф молот несусветную чепуху. Однако не стали перебивать его.

— Н-ну вот, как бабахнули — оба разом упали, а потом вскочили и у обоих кровь течет. В три ручья! Сам видел!

— Врешь!

— Не вру. Не перебивай! Ну вот, Бежевый кровь на лбу носовым платком вытер и стал толкать Шито-крыто в шею! Прямо в шею! И они п-пошли — Шито-крыто впереди, а Бежевый сзади, с револьвером в руке...

— А ружье?

— А ружье они в кустах оставили.

— И ты не подобрал?

— Н-нет. П-побоялся.

— И куда же они пошли?

— А в милицию.

— Как же так? Перестреляли друг друга — и пошли? — у Петьки в глазах бегали веселые бесенята-смешинки.

— Они же не до смерти перестрелялись, а только ранились.

— Врешь, Граф. Все это ты выдумал.

— Н-ну, м-может, и выдумал маленько. Чтобы интереснее было. Только маленько.

— Давай-ка, — строго сказал Сережка, — не привирай. Говори, как было на самом деле. В какое время?

— Ну, сразу, как вы ушли. Я же не смотрел на ч-часы. Бежевый приходил, Шито-крыто открывал ему дверь, они в вагоне разговаривали. Я подкрался к окошку и все слышал.

— Что слышал?

— Ну вот, Бежевый спрашивает: «Покупал, — чего-то он там назвал, я не п-понял, — покупал, говорит, в доме номер двадцать по Крайней улице?» — Шито-крыто и отвечает: «Ну, покупал. Так ведь я на свои кровно заработанные д-деньги! Многие покупают, не я один». — Бежевый и спрашивает опять: «А ты знаешь, что она спекулянтка?» — и еще какое-то слово добавил и сказал: «И все у нее добыто нечестным путем!» — Шито-крыто и отвечает: «Откуда мне знать? Это в-вам лучше знать». — Бежевый и говорит: «А за покупку ворованного тоже могут припаять! выступишь свидетелем на суде. Понял?»

Ну в-вот на этом они и кончили. Бежевый потом ушел, а Шито-крыто после этого взял удочки и поплелся на реку.

Когда мы собрались на крыльце, чтобы отправиться на поиски обломков сбитого самолета, Петька сказал:

— Если Граф не врет, то выходит, что Шито-крыто ходил не на явку, а к какой-то спекулянтке что-то покупать. И раз Бежевый его не увел в милицию, значит...

— Значит, человек этот не шпион, — продолжил Сережка его рассуждения.

— Но ведь сегодня его забрали бойцы! — возразил Петька. — Тут что-то одно с другим не вяжется...

— Ладно, поживем — увидим, — Сережка сунул за пазуху сверток с едой. — Пошли.

— А где мы будем искать самолет? — спросил Петька, когда мы вышли на окраину поселка к пешеходному мостику через Торгус.

Сережка остановился, показал рукой на северо-восток:

— Я заметил направление. Самолет упал вон там, в правой стороне Воронина болота. Туда и пойдем. Мы должны прийти пораньше, пока другие не побывали. Может, самолет обгорел не сильно. Может, там уцелели приборы...

— Какие приборы?

— На самолете много разных приборов, — стал объяснять Сережка, быстро шагая по тропинке, поросшей одуванчиками и подорожником. — Например, часы... компас... радиостанция...

— Но ведь слышно было — самолет взорвался! — сказал Петька. — От него, верно, остались одни ошметки, и те наверняка раскидало по лесу!

— А отчего взрывается самолет? — спросил я. — Ведь бомбы он сбросил!

— Взрывается от огня горючее в баках, — объяснил Сережка. — Пошли скорее. Все равно что-нибудь там найдем.

— А что, если встретим фашистского летчика? — спросил Петька. — Может, его и не изловили. Он наверняка с оружием.

— У нас тоже есть оружие, — Сережка показал финку, прикрепленную к поясу.

— У тебя финка, а у него, может, пистолет!

— Зато нас трое, а он один.

— А, может, не один?

— Если и не один, все равно они спустились в лес на

парашютах в разных местах и сразу друг друга не найдут. Главное — не трусить! Как увидим — нападём на него с трех сторон сразу.

Петька недоверчиво покачал головой. Он, видимо, немного трусил. Мне тоже было боязно. Сережка, если и боялся, то не показывал вида. Он сказал бодро:

— Ну, идем!

Миновав мелколесье, а за ним ржаное поле пригородного колхоза, мы углубились в лес. Он был нам знаком — мы часто ходили туда за ягодами и за грибами. Надо пройти километра два по просеке и там будет болото. Просекой идти было легко — мешала только густая высокая трава, да старые пни и валежник. Шли мы осторожно, стараясь не шуметь, и все время озирались по сторонам. Солнце уже поднялось к зениту, стало жарко. Мы сняли куртки, а вскоре и рубашки. Без рубах стало совсем легко, но тут налетели тучи комарья, и пришлось снова надеть рубахи.

— Сделаем привал, — разморенно шепнул Петька. — По-едем немножко. Мы ведь не завтракали.

— Нет. Хлеб надо беречь. Путь долгий. Пока потерпи, — сказал Сережка.

Петька не стал настаивать. Увидев лесную лужу, он пред-ложил:

— Давай хоть попьём. Во рту пересохло!

Сережка кинул взгляд на ржавую болотную воду и махнул рукой:

— Эту воду пить нельзя. Животы заболят. Потерпи, мо-жет, ручей попадетсЯ.

Петька вздохнул и понуро поплелся следом.

Лес кончился. Перед нами теперь раскинулось обширное болото с кочками, поросшими осокой и кукушкиным льном. Кое-где из мха торчали мелкие чахлые березки с подернуты-ми чернотой стволами да сосенки. Мы остановились: «Куда теперь идти?»

Подумав, Сережка предложил:

— Прямо нельзя, увязнем. Пройдем краем вдоль опушки леса. Может, увидим остатки самолета.

Идти вдоль опушки было трудно. Мы еле-еле продирались сквозь заросли можжевельника, шиповника, смородинника, тихо раздвигая их руками. Время от времени останавливались и осматривали болото. Обманчивый желто-зеленый ковер тя-нулся почти до самого горизонта. Среди кочек иногда про-

блескивала бурая, подернутая какой-то синевой, пузырящаяся вода. Обломков самолета нигде не было видно.

Пройдя около километра, мы снова вернулись к просеке и, слегка перекусив, пошли теперь в другую сторону от нее.

— На болоте обломков нет, — сказал Сережка. — Наверное, самолет упал в бор, за болотом. А туда нам не попасть, да и если бы попали — ничего не найти. Бор густой, высокий.

— Зря старались, — разочарованно вздохнул Петька и вытер рукавом рубахи блестящий потный лоб. Может, совсем не в том месте ищем!

— Все может быть, — Сережка глянул на солнце. — Оно уже висело над самыми верхушками деревьев. — Пора домой.

Мы повернули обратно, долго искали просеку, спрятанную за кустами. Наконец, найдя ее, обрадовались.

Просека вывела нас к дороге. Мы повеселели, прибавили шагу. Вдруг Сережка, шедший впереди, махнул нам рукой и метнулся за куст, что рос возле придорожной канавы. Мы — к нему, притаились, незаметно выглядывая из-за куста.

По дороге, мимо нас шли бойцы, усталые, потные, в сапогах, запачканных болотной жижей. На ремнях у них — винтовки, у пояса — фляжки. Один... два... три бойца, потом двое с автоматами наизготовку и... высокий человек в пилотском шлеме, в комбинезоне, разодранном на коленях и на боку. Руки у него связаны за спиной. Человек этот сильно прихрамывал, и, морщась от боли, смотрел себе под ноги. За ним — снова два бойца с автоматами и еще человек пятнадцать. Последний боец тащил на плече большой узел из какой-то желто-белой ткани, спутанной веревками.

Мы переглянулись и, выждав немного, вышли из-за кустов и направились домой.

— Видали? — обернулся Сережка, шедший впереди. — Фашиста ведут. А позади боец парашют его тащит...

— Это летчик? — спросил Петька.

— А то кто же!

Бойцы прочесали лес и выловили гитлеровца, встречи с которым мы так опасались.

На другой день у нас только и было разговоров, что о пленном фашистском летчике. Мы обо всем рассказали Василию. Тот, подумав, заметил:

— Видимо, он один и спасся. Остальным выброситься с парашютами не удалось. Иначе поймали бы и тех.

Понемногу все улеглось. Мы стали забывать о фашисте,

потом наведались к вагону. На двери его опять висел замок. Шито-крыто нигде не было видно.

* * *

Мы вспомнили о девушках-фронтовичках и решили заняться новой посылкой.

Сережка с видом волшебника, открывающего заветную шкатулку с драгоценностями, отпер сундук, вынул из него картонную коробку, из коробки узелок, из узелка — жестяную банку из-под грузинского чая. Он вытряхнул из нее деньги, которые нам удалось накопить. Их мы собирали около месяца. Обошли всех ребят и девчонок нашего класса, объяснили им, что будем готовить новую посылку на фронт, и каждый дал нам денег, сколько мог. Василий со своей получки тоже внес десять рублей.

Пересчитав деньги, мы отправились в магазин покупать гитару. Отправились не одни, а с девчонками — Светой Лукиной и Надей Мацкевич. Девочки эти понимали толк в гитарах, потому, что сами немного играли. Они помогли нам выбрать самую лучшую.

Чтобы посылка была не очень громоздкой, с помощью Василия мы разобрали гитару — сняли струны, отвинтили ключом винт, которым крепится гриф, и завернули отдельно гриф и корпус гитары. Все это переложили в ящичке мягкой стружкой.

Юрка принес большой лист бумаги и развернул его:

— Вот видите!

На бумаге акварельными красками он нарисовал большой дом с двумя крылечками и трубами, из которых валил клубами синий густой дым. К крыльцу шли четыре смешных маленьких человечка.

— Что это за человечки? — спросили мы.

— А это — Сережка, Петька, Колька и я, — ответил Граф, — то есть мы вчетвером.

— Ты бы лучше нарисовал танк или пушку, — посоветовал Петька.

— А з-зачем танк? З-зачем пушка? Там есть настоящие танки и пушки, а домов, наверное, нету.

— Ладно. Пусть будет дом, — Сережка аккуратно свернул лист и сунул его в ящик. Туда же мы вложили такое письмо:

«Уважаемые товарищи бойцы службы ВНОС! Посылаем Вам гитару, чтобы в свободное время вы играли на ней. Это — подарок от всех ребят нашего седьмого «В».

Позавчера у нас случилось происшествие. Рано утром на мост через реку налетел фашистский самолет и хотел разбомбить его. Но помешали зенитчики. Они сбили бомбардировщик. Самолет, правда, сбросил две бомбы, но в цель не попал.

Как это могло случиться, товарищи бойцы службы ВНОС, что самолет пробрался к нам в тыл? Может, у вас испортились приборы, и вы не обнаружили его? А, может, он шел на такой большой высоте, что трудно было заметить?

Если можете, товарищи бойцы, то объясните, почему фашистский летчик пробрался к нам в тыл...»

Глава четырнадцатая

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Война удалялась все дальше и дальше на Запад. Мимо станции Грачи по-прежнему торопливо шли по рельсам тяжелые составы, но дорога им с каждым днем предстояла все длиннее. И хорошо! Наши армии и дивизии устремились к границе, оставленной в сорок первом году.

Люди в поселке приободрились, повеселели. Веселее становился и Василий, слушая сводки по радио. Части Советской Армии освободили Харьков. Вечером, когда мы слушали сводку, диктор торжественно объявил: «К исходу дня 23 августа весь белгородско-харьковский плацдарм очищен от немецких захватчиков. Войска Воронежского и Степного фрон-

тов вышли на линию Сумы, Зеньков...» Он назвал еще несколько городов, но я их не запомнил.

— Да-а-а! — Василий даже закурил от волнения папироску, хотя от курева воздерживался долгое время. — Теперь, брат, праздник на нашей улице! В шею гоним фашистов!

Каникулы у нас подходили к концу — скоро в школу. Последние дни августа не шли, а бежали. Матери стирали нам рубахи, покупали учебники и тетради. Мы сходили в парикмахерскую: за лето волосы отросли, по словам Сережкиной матери, как у дядьков. Постриглись и даже подеколонились.

Наступил последний день августа. Было солнечно и безветренно. Отчетливо слышалось, как на станции лязгают буфера вагонов.

Мы, как всегда, собрались на крыльце. Солнце припекало по-летнему ласково. Крапива вытянулась вровень с крылечком, и по ней ползали прозрачные зеленые букашки. С забора, что отделял наш двор от соседнего, спрыгнул кот Леший. Он, как тигр, кинулся на соседского рыжего кота Тишку. Тот, удирая, отчаянно заверещал, и оба кота скрылись в подворотне.

— Ну и Леший! — Петька лениво сплюнул сквозь зубы. — Отъелся за дедо на мышах да воробьях!

Мы уже почти забыли о Шито-крыто, о недавнем происшествии на берегу, но об этом нам напомнил Юрка.

— А шпион уехал, — сказал он.

— Какой шпион? Куда уехал?

— Н-ну, этот, Шито-крыто! И вагон теперь освободился.

— Откуда тебе известно?

— Я видел. Он погрузил свои вещи на тележку и покатил в поселок. Тетки говорят, что ему там дали комнату. И еще тетki сказали, что Шито-крыто у какой-то спекулянтки покупал водку. За это, говорят, ему попадет.

— Значит, никакой он не шпион, — сказал Сережка. — Мы ошиблись.

— Надо бы увидеть лейтенанта и спросить, почему Шито-крыто отпустили, — Петька с досадой пожал плечами.

— Как увидим — спросим.

Сережка, прищурившись, посмотрел вдаль:

— А пока пойдемте-ка на станцию. Потом будет некогда туда бегать.

— Пойдем! — согласились мы. — В последний раз перед школой.

Около одиннадцати часов дня к станции тихо подошел санитарный эшелон. В окошки вагонов выглядывали сестры в белых косынках и раненые с повязками. Когда поезд остановился, санитары с огромными пузатыми чайниками побежали за кипятком. Раненые пооткрывали окна, высунулись в них. Поселковые женщины тащили к поезду кто что мог — горячую вареную картошку, свежую морковь и репу, маринованные грибы, молоко. Все это они отдавали сестрам, для раненых.

Из одного вагона по лесенке осторожно спустился боец. На голове у него белела повязка, левая рука была забинтована до локтя и висела на лямке из бязи.

— Поезд скоро пойдет, а вам нельзя быстро передвигаться! — сказала ему сестра.

— Ничего. Постою, подышу воздухом, — раненый посмотрел на солнце, зажмурился. — Эх и денек!

Сестра наблюдала за ним. Мы — тоже. Вдруг Петька кинулся к раненому с криком:

— Степа-а!

Тут и мы узнали в раненом кавалериста Степу, что подарил нам темляк, и тоже подбежали к нему. Голова у него была обрита наголо.

Степа был, как видно, очень удивлен. Он напряженно и пристально разглядывал нас, шевелил бровями, вспоминая. Наконец улыбнулся широко, радостно.

— А... так это вы, ребята? Ну, здравствуйте!

— Вспомнили? Мы вас тоже узнали сразу, — сказали мы ему. — Вы поехали в госпиталь, да?

— В госпиталь, ребятки, на поправку. А потом — опять на фронт. Добивать фашистов...

Степа хотел еще что-то сказать, а мы хотели еще что-то спросить у него, но поезд дал гудок, сестра суетливо подхватила кавалериста под руку и потащила в вагон, говоря:

— Скорее... Ах, боже мой!

Степа довольно быстро поднялся на площадку тамбура и стал оттуда махать нам рукой. Мы тоже махали ему. Сереежка кричал:

— Пишите нам! Станция Грачи, Привокзальная два! Ване-еу! Привокзальная два, Ване-еу!

Степа улыбался и кивал в знак того, что запомнил адрес.

Поезд скрылся. Мы стояли, смотрели вдоль путей, но там уже ничего не было — ни поезда, ни сестер, ни Степы.

Зато у ларька, где обычно продавали квас, появился военный.

— Да это ж лейтенант! — шепнул Петька.

— Пойдем к нему и спросим про Шито-крыто! — предложил Сережка.

Лейтенант вернул продавщице пустую кружку и вытер губы платком. Увидев нас, он улыбнулся одними глазами и сказал:

— Привет рыболовам!

— Здравствуйте, товарищ лейтенант! Мы хотели у вас спросить.

— Мы хотели спросить, — перебивали мы один другого, — про Шито-крыто... то есть про моториста. Вы его тогда отпустили, да?

— Да.

— Значит, он не шпион? — разочарованно протянул Петька.

— Нет, — лейтенант опять улыбнулся. — Но вы, ребята, молодцы: проявили бдительность.

К перрону подходил пассажирский поезд, и мы побежали посмотреть, кто приехал. Народу на нашей станции сошло немало: старуха с мешком, двое бойцов в шинелях — один на костылях, другой с перевязанной рукой. Тот, что на костылях, все пытался закинуть за спину вещевой мешок, но терял равновесие и никак не мог надеть свою обувь. Мы подбежали:

— Давайте, товарищ боец, поможем!

Боец молча протянул мешок Петьке и, приладив костыль под мышкой, подставил руку. Петька надел на нее одну лямку, завел мешок за спину, потом надел лямку на другую руку. Боец поблагодарил и захромал к вокзалу. Видно, оба раненые выписались из госпиталя и ехали домой.

Паровоз дал гудок, вагоны вздрогнули и двинулись. И тут мы увидели еще одну пассажирку, стоявшую посреди перрона. Это была молодая де-

вушка в военной форме — в гимнастерке и юбке защитного цвета, в сапогах и пилотке с маленькой звездочкой.

— Ребята! — обратилась она к нам. — Скажите, пожалуйста, как мне пройти в поселок Грачи, на улицу Привокзальную?

— На Привокзальную? Это недалеко! Идемте, мы покажем. Мы как раз там живем.

— Вот и хорошо! — девушка облегченно вздохнула, вскинула вещмешок за плечо, придерживая рукой за лямки. — Проводите меня, пожалуйста.

Мы повели ее в поселок. Девушка была высокая, лицо у нее загорелое, чуть-чуть усталое, глаза большие, синие, а волосы светлые, пышные.

— А номер дома какой вам нужен? — спросил Сережка.

— Номер? Кажется, три, — она достала из нагрудного кармана записную книжку, заглянула в нее, — верно, три.

— Это дом Терехиных, — сказали мы.

— Вы с фронта, да? — спросил Петька.

— Да, мне дали краткосрочный отпуск.

Вот и улица Привокзальная. Вот и дом Терехиных, что напротив нашего. Мы провели девушку в калитку и расстались с ней с сожалением: хорошо бы поговорить, порасспросить ее, как там, на фронте, идут дела, каково живется и воюется нашим бойцам.

Мы перешли улицу, направляясь к себе, и тут услышали, как позади скрипнула калитка, и девушка, выйдя со двора Терехиных, окликнула нас:

— Ребята, я ошиблась! Мне нужен дом номер два. Там живут Ваневы...

— Так это же сюда! — крикнул Сережка. — Ваневы — это я... то есть мы...

— Правда? — девушка засветилась улыбкой и кинулась бегом через дорогу к нам. — И мне еще нужны Сорокины и Цыгановы.

— Это я Сорокин, — сказал я.

— А я — Цыганов, — ткнул себя в грудь Петька.

— Значит, это вы нам посылали посылки?

Мы были очень удивлены, и поэтому ответили не сразу.

— Да, в самом деле, мы послали две посылки на фронт, службе ВНОС, — сказал Сережка и для пущей важности добавил: — службе Воздушного наблюдения, Оповещения, Связи!

Девушка опустила на тротуар мешок и стала по очереди обнимать нас:

— Ах, Наблюдение! Ах, Оповещение! Скажите, пожалуйста, все они знают! Славные ребята!

В соседних домах жители стали выглядывать в окна. По дорожке от дома к воротам спешил Василий. Он распахнул калитку и пригласил девушку:

— Вы к нам? Проходите, пожалуйста.

Петька тащил вещмешок, мы с Сережкой тянули за руки девушку, и она еле поспевала за нами. Василий шел позади и улыбался. Девушка остановилась, обернулась к нему:

— Извините, мы не познакомились... Меня зовут Таня, Таня Любезнова.

— Таня? Любезнова? — в один голос воскликнули мы. — Это вы писали нам письмо?

Таня кивнула, закусив в волнении губу, и, спохватившись, пожала руку Василия. Он представился:

— Василий Ванеев. Сережин брат. Демобилизован по ранению.

На крыльце дорогу нам загородил Юрка. Он величественно протянул Тане свою, на этот раз чистую руку и сказал звонко, на весь двор:

— Граф Т-тартаковский!

Таня несколько смутилась, но быстро сообразила, в чем дело, и, пожимая Юркину руку, ответила серьезно и уважительно:

— Очень приятно. Здравствуйте, ваше сиятельство!

Юрка озадаченно шмыгнул носом и посмотрел на Таню снизу вверх:

— П-п-почему сиятельство?

— Так принято в дворянском обществе, — ответила Таня.

Василий, смеясь, подхватил Юрку под мышку, как какой-нибудь куль, и потащил наверх по ступенькам:

— Домой, домой, сиятельство!

Все мы шумной гурьбой вошли в квартиру Ванеевых.

* * *

Надо ли говорить, что мы приняли Таню Любезнову, как самую дорогую гостью. Вечером все собрались у Ванеевых — и мы, и наши матери — и стали пить чай. На столе попискивал никелированный самовар, на тарелках — вкусные шань-

ги, яйца, карамель — наши мамы для такого случая развернулись. Василий принес свою фронтовую фляжку.

Таня помылась с дороги, надела новую гимнастерку, и мы увидели на груди у нее две медали: «За Отвагу» и «За боевые заслуги». Юрка, сидя рядом с Таней, все поглядывал на медали, а потом спросил:

— А т-т-там всем дают медали? Если бы я был на фронте, так тоже бы п-п-получил?

— Нет, Юрка, медали дают не всем, а только тем, кто отличился, совершил какой-нибудь боевой подвиг, — ответил Василий.

— Я бы т-т-тоже о-отличился и совершил! — похвастался Юрка. — И мне бы тоже дали награды.

— В этом мы не сомневаемся, — сказал Василий.

Окно было отворено настежь. Вечерняя прохлада наплывала с улицы, освежая лица, разгоряченные чаепитием. Вдали за поселком догорала заря. Было необыкновенно тихо, мирно. Не верилось, что где-то на Западе продолжаются бои.

Наша гостья рассказала, что едет на побывку домой, в село Воскресенское, что в двух часах езды от станции Грачи по этой железнодорожной ветке. Собираясь в отпуск, Таня обещала подругам обязательно сделать у нас остановку и передать нам привет.

Таня привезла подарки: полевой командирский бинокль, компас, трофейную полевую сумку, сержантские погоны и несколько гильз от крупнокалиберного пулемета, а от бойцов-артиллеристов — три алюминиевые ложки, отлитые ими собственноручно из снарядных головок. Одной ложки не хватило, и Таня, порывшись в мешке, дала Юрке свою, четвертую. Ему повезло: он еще получил в подарок губную гармошку, тоже трофейную, и красноармейскую звезду. Таня прикрепила звезду на Юркину рубашу, и он заявил, что больше не желает быть Графом, а станет теперь маршалом.

— Пусть будет так, — сказала девушка. — Не возражаете, ребята?

— Не возражаем! — согласились мы.

Весь вечер Юрка тыкал себе пальцем в грудь и повторял не без гордости:

— Я теперь маршал!

Ну что ж, маршал — так маршал. Как знать, может быть, Юрка выучится, пойдет на военную службу, окончит академию и впрямь станет настоящим маршалом.

Мы сидели, разговаривали с Таней до самой темноты. Поздним вечером жизнь в поселке замирала, становилось тихо, безлюдно. И только со стороны вокзала доносился шум. Мимо станции Грачи все мчались и мчались поезда. И почти все они торопились на Запад, туда, где шли бои, где части Советской Армии, наступая, отвоевывали у фашистов наши города и села. И железнодорожники, и все, кто жил и работал в тылу, помогали нашим войскам громить врага.

